

Библиотека
журнала
ЦК ВЛКСМ

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**

1988

Юрий ЛУБЧЕНКОВ

ФЕЛЬДМАРШАЛ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ

Юрий ЛУБЧЕНКОВ родился в Москве в 1960 году. Окончил исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Работал учителем, редактором на Гостелерадио СССР, сотрудником библиотеки.

Печатался в журналах «Молодая гвардия», «Дружба», коллективных сборниках.

«Фельдмаршал службы российской» — первая книга Юрия Лубченкова.

Библиотека
журнала
ЦК ВЛКСМ

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**

1988

Юрий
Лубченков

**Фельдмаршал
службы
российской**

Историческое повествование

Москва
«Молодая гвардия»
1988

Художник Юрий МАКАРОВ

Адрес редакции: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а

**© Издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1988 г.
№ 27 (342)**

Выпуск произведений в Библиотеке журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» приравнивается к журнальной публикации

Солдатушки, браво, ребятушки,
А кто ваши отцы?
Наши отцы — русски полководцы,
Вот кто наши отцы!

I. НАЧАЛО

Итак, время действия — осьмнадцатый век. Для Западной Европы — век просвещенного абсолютизма и космополитизма, а для России еще — и век женщин, женщин, с завидным постоянством сменявших друг друга на российском престоле. В некотором роде историческая аномалия своего времени, породившая многочисленную плеяду фаворитов, отличавшихся — как на подбор — богатырским размахом и бесшабашным удалством дел своих — будь то государственная деятельность во благо державы или узаконенный грабеж державной казны. Впрочем, возможен и симбиоз.

В самом начале этого во многом переломного для России века, в те времена, когда прогресс и просвещение — для лучшей памяти и большей убедительности — вколачивались кнутом и дубинкой,

Полуботок умер в крепости в декабре 1724 года, коллегия продолжала свою работу.

Летом 1722 года начался Персидский поход Петра I. В 1723 году русские войска заняли Баку и южное побережье Каспия, что облегчило борьбу народов Закавказья за независимость. В это время, воспользовавшись ослаблением Ирана, Турция решила захватить и эти территории. Россия, только что завершившая Северную войну, не могла оказать действенную помощь народам Закавказья и была вынуждена пойти на заключение договора с Турцией в 1724 году, по которому признавалось владычество Османской империи над Грузией и Арменией. В августе 1724 года А. И. Румянцев был отправлен чрезвычайным послом в Персию — для определения границ согласно трактату, а оттуда — послом в Стамбул.

Уже в Стамбуле он узнал о смерти Петра I, и сразу наступило странное затишье. Преемница Петра — его жена, императрица Екатерина I — в письмах и указах Румянцеву за 1725 год сообщает своему послу о смерти Петра и о вступлении ее на престол. Но она лишь мимоходом касается переговоров с турецким султаном, ради которых и был направлен Румянцев в Стамбул, зато подробно пишет, каких для нее купить духов и какой привести шатер.

Наступали удивительные и непривычные для кипучих натур петровских соратников времена. Казалось, страна, перенапрягшись за последние годы, впала в спячку.

И Петр, и его окружение, судя по всему, считали совершенно естественным, что страна, взнузданная ими и поднимаемая на дыбы, не выбрасывает их из победного седла. Подобное одностороннее взаимоотношение власти и народа находило свое объяснение — для желающих думать на эту небезопасную тему и не полностью удовлетворенных формулой «богу — богово, а кесарю — кесарево» — лишь в мудрости предков, не случайно живших именно так, а не иначе. Следующий вопрос — во имя чего предшественники ныне живущих так возвысили над собой своих управителей — оставался, как правило, уже без ответа.

Еще в конце XVI века дипломат по роду деятельности и незуит по призванию Антонио Поссевино, прибывший ко двору

Ивана Грозного, отмечал: «По отношению к своему государю угождение и почтение удивительны до такой степени, что создается впечатление, что некоторые его мнения считаются чуть ли не божественными: они (то есть русские. — Ю. Л.) убеждают себя, что он все знает, все в его власти. У них часто употребляется выражение: «Бог и великий государь все ведают». Когда они желают кому-нибудь добра или что-нибудь настойчиво доказывают, говорят так: «Да будет счастлив наш великий государь!..» Ради своего царя они не отказываются ни от какой опасности и по его приказу быстро отправляются туда, откуда, они знают, никогда уже более не вернутся. Они заявляют, что все является собственностью их государя, своим домашним имуществом и детьми они владеют по милости великого князя... Верность и покорность этого народа делают более понятной жестокость их царей, которые вдруг приказывают убивать самых знатных людей и самого почтенного возраста или наказывать их палками, как рабов. Простершись на земле, они не поднимаются до тех пор, пока наблюдающее лицо не положит конец наказанию. Они настолько привязаны к князю, что не испытывают к нему никакой неприязни и не бранят за глаза; напротив, когда представляется случай, прославляют милосердие князя, пространно хваля его».

Поссевино не одинок в этом своем наблюдении. И до, и после него иностранцы, попадавшие в Россию, обращали на это изумленное внимание. Удивляется подобному взаимоотношению народа с властью и герой А. К. Толстого — Поток-богатырь, богатырь киевского князя Владимира Красное Солнышко, волею автора попадающий в Московскую Русь, может быть, даже времен посещения ее А. Поссевино и видящий там царский выезд:

И на улице, сколько там было толпы,
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи —
Все пред ним повалились на брюхи.

А. К. Толстой верно подметил, что данные отношения для Киевской Руси (может быть, исключая небольшие крепости на границе государства, где ее руководитель был вправе потребовать

начинается судьба и карьера одного из «птенцов гнезда Петрова» — Александра Ивановича Румянцева.

Большей частью царевы «птенцы» были людьми худородными. Румянцев же принадлежал к «благородному» сословию. Он — из обедневших нижегородских бояр. Солдат гвардии, денщик царя — таковы первые этапы его служебной биографии. Вскоре он становится гвардейским офицером. 9 мая 1712 года подпоручик гвардии Александр Румянцев доставил Петру I известие о подтверждении мира с турками, который Россия была вынуждена заключить после крайне неудачного Прутского похода. Итогом этого похода стала для России потеря всего того, что большой кровью приобреталось в предшествующие годы. Своевременный гонец был награжден — Петр пожаловал ему чин поручика Преображенского полка.

Румянцев — один из ближайших соратников царя-преобразователя. Письма и указы Румянцеву Петром пишутся большей частью собственноручно. Почерк энергичен — по нему видно, что царю недосуг ждать писца и он сам пишет свои приказания. Петр посылает Румянцева с самыми разнообразными поручениями — для вербовки матросов и плотников, для сбора налогов и провианта, для разведки дорог. Во время второго этапа затянувшейся Северной войны со Швецией, а именно в 1714—1715 годах, Петр в переписке дает Румянцеву конкретные поручения — ехать на Аландские острова для переговоров с англичанами, а также разузнать, какие слухи распространяют шведы среди населения Ревеля и Дерпта.

В 1717—1718 годах Петр посылает Румянцева и П. А. Толстого за границу по весьма деликатному и серьезному вопросу. Речь идет о царевиче Алексее, попытавшемся в экзальтированно-утопическом виде противостоять реформаторской деятельности отца. Итогом фронды, на которую его умело подталкивали, явилось бегство за границу. Толстой и Румянцев были посланы в Европу с заданием найти беглеца и доставить обратно в пределы государства. Кроме этого, Петр предписывает им по возможности обнаружить остальных участников заговора. Посланцы полностью оправдали доверие государя — Алексей был возвращен и после пыток убит, его сторонники подверглись казням и опалам.

Вскоре Петр лично занялся устройством судьбы Александра Румянцева. Итогом его хлопот стал брак Румянцева на внучке знаменитого Артамона Матвеева — представительнице одной из самых знаменитых и богатых фамилий России. Мария Андреевна Румянцева почти на сорок лет переживет своего мужа. Она умерла в Петербурге 90 лет от роду. До конца своих дней она оставалась первой етате-дамой в достоинстве гофмейстерины. И в старости сохраняя полную память и живость ума, она любила рассказывать о первых годах Северной Пальмиры, о людях, живших в те, уже начинавшие казаться былинными, времена. Вспоминала она пред благодарными слушателями и об обеде у Людовика XIV, на котором присутствовала, свое посещение лагеря герцога Мальборо и то внимание, которого она удостоилась в Лондоне от королевы Анны...

В последние годы жизни Петра I А. И. Румянцев — по-прежнему на ответственных участках государственной деятельности. 9 августа 1720 года, за год до победоносного завершения Северной войны, генерал-адъютант Румянцев едет послом в Швецию. В 1723 году гвардии майор Александр Румянцев по приказу императора едет в Малороссию по делу о Полуботке.

Иван Полуботок — полковник и наказной атаман малороссийский, о котором Петр еще в 1708 году, сразу после измены Мазепы, сказал: «...очень хитер, он может Мазепе уравниться». Именно из-за наличия верхушечного сепаратизма в 1722 году — по смерти гетмана Скоропадского — была учреждена Малороссийская коллегия. Полуботок, «общее с генеральной старшиною», ведавшей впредь до избрания нового гетмана малороссийскими делами, энергично протестовал, аргументируя это тем, что народ не хочет коллегии. В этом он наверняка был прав, так как народу естественно не нравится увеличение числа бюрократов, сидящих на его шее, и ужесточение фискальства, обремененного лишь мыслью: как бы половчее ограбить вверенных их попечению подданных. Но при апелляции к монарху мнение народа — не самый сильный и безболезненно воспринимаемый довод. Итогом этого протеста явилось заключение Полуботка в Петропавловскую крепость и поездка Румянцева в Малороссию с целью проведения следствия о челобитных, подававшихся Полуботку от имени народа.

безоговорочного подчинения) аномальны, для Московской же — норма. А. Поссевино первым из иностранцев ищет объяснение этому не в загадочных тайниках русской души, которую, по мнению некоторых, хлебом не корми, а только дай полизать сапог господина, а в другом, более прозаическом: «Могло бы показаться, что этот народ скорее рожден для рабства, чем сделался таким, если бы большая часть их не познала порабощения и не знала, что их дети и все, что они имеют, будет убито и уничтожено, если они перебегут куда-нибудь».

Века внешнего давления, когда внутренний разброд наказывался быстро и жестоко (вспомним хотя бы «Слово о полку Игореве...»), выработали у народа понимание необходимости подчинения князю и передачу ему своих прав и вольностей в обмен на гарантию защиты и воинского руководства в случае необходимости. Психология царистских иллюзий сохранилась в обществе вплоть до двадцатого века, и была подорвана лишь Кровавым воскресеньем. Многочисленные российские самозванцы (включая и Емельяна Пугачева) — подтверждение этому. Социальные верхи с удовольствием эксплуатировали эту идею, чем дальше, тем больше не подкрепляемую объективной необходимостью.

В этом можно найти и частичное объяснение успехов реформаторства Петра I. Россияне, под дубинкой царя сбившие бороды (или купившие жетоны на право ее ношения) и обрядившиеся в кургузое иноземное платье, являвшее некоторый антагонизм с отечественными морозами, в своем понимании соразмерности мироустройства ничуть не изменились.

Для преемников же первого императора Всероссийского становится все более естественным считать его непогрешимым авторитетом и высшим судиею своих деяний. И это объяснимо. Петр окончательно развел дороги власти и народа, начавшие расходиться более ста лет назад, и поставил между собой и своими подданными мощную корпорацию бюрократии. Его наследникам он понятен и близок, и потому на протяжении всего века идет апелляция власть предержащих к памяти Петра I. Об этом свидетельствуют и памятники последних самодержцев XVIII столетия (первым проще — их узы, по крайней мере, родственные, вне сомнения) — Екатерины II и Павла I. Оба они приказали воздвиг-

нуть монументы Петру, сопроводив их соответствующими надписями: «Петру I — Екатерина II. 1782» и «Прадеду — правнук. 1800», то есть «Павел... сознательно ориентировался на связь своего имени с именем Петра (привычное для христианина сочетание святых — Петр, Павел). Екатерина стремилась подчеркнуть преемственность императорского сана («первому — вторая»), а Павел — родство крови («прадеду — правнук»).

Русское общество восемнадцатого века — в лице пока лишь немногих своих членов — только подступало к мысли о необязательности совпадения блага государя и страны. Это понимание придет в следующем столетии, хотя инстинктивно оно присутствует и в предыдущих и обуславливает ряд событий. А сейчас изустное летосчисление имеет своими веками зачастую даты смерти одного монарха и начало правления другого. Иногда поминают при этом и наиболее однозвучные фигуры из числа фаворитов.

Смена царствующих лиц происходила не столь уж и часто — благодаря усидчивости женщин. Столетие началось и закончилось мужским правлением — между ними годы своеобразного матриархата.

В эти годы родился и рос, воевал и побеждал один из крупнейших русских полководцев, учитель генералиссимуса Суворова фельдмаршал Петр Александрович Румянцев.

Людей, замеченных историей и попавших в ее анналы благодаря своим разнознаковым заслугам перед ней, можно, пожалуй, условно разделить на две категории: тех, которые принадлежат своему веку, своей эпохе, и тех, упоминание о которых сразу вводит нас в Историю — независимо от времени и региона. Примеров множество. Вот — полководцы: Македонский, Ганнибал, Невский, Суворов. Одно имя — и ничего более добавлять не нужно. Так и возникает пред мысленным взором их образ, их деяния. И это несмотря на то, что знающий о них может и затрудниться ответить на ряд конкретных вопросов: где, как, когда и с кем. Эти имена уже вышли за рамки локальных эпох и стран — они неперенный атрибут любого — пусть даже самого поверхностного и отрывочного — знания или полужнания прошлого. Иное дело Румянцев. Он известен, но в основном как военный деятель XVIII века российской истории. А ведь он стоит в том же ряду великих.

Александр Иванович Румянцев узнал о рождении сына Петра, последовавшего 4 января 1725 года, будучи вдали от дома. Чрезвычайный российский посол в Стамбуле увидел сына впервые в пять лет и почти сразу же записал его в гвардию, в Преображенский полк — в полном соответствии с существовавшей тогда практикой, благодаря которой дети знатных родителей к совершеннолетию уже выслуживали по годам — исходя из формальной протяженности службы — офицерские чины.

Первые годы службы будущего фельдмаршала совпали со сложным периодом российской истории. Сменившая Петра I императрица Екатерина I активно вкушала все радости жизни. Не вынеся чрезмерных нагрузок, она скончалась в 1727 году. На престол вступил сын царевича Алексея и внук Петра I — Петр II, настроенный не менее решительно своей предшественницы по части развлечений, несмотря на свой нежный двенадцатилетний возраст. Государственные дела были в полной заброшенности. Фаворитизм — непереманный атрибут всякой авторитарности — усугублялся наплевательством и давал страшноватые побегі. Люди, имевшие счастье обратить на себя внимание высочайших особ, торопились воспользоваться моментом и ограбить все, что можно.

Петр II полностью повторил весь цикл первой русской императрицы и умер в начале 1730 года, не процарствовав и трех лет. Вакханалия непотизма и перманентный страх опалы — благодаря нестабильности положения и отсутствию каких бы то ни было правовых гарантий — привели к тому, что после его смерти перспективы дальнейшего правления стали обсуждаться в различных слоях русского общества. Результатом сшибки мнений по этому вопросу стало воцарение на российском престоле племянницы Петра I герцогини курляндской Анны Иоанновны.

Вскоре выяснилось, что выбор был сделан (Анну пригласили занять престол) далеко не лучший. Выданная в молодости за курляндского герцога, рано овдовевшая, прожившая вдали от России долгие годы, Анна привезла с собой значительный груз представлений, привычек и привязанностей, претворение которых в жизнь могло иметь для коренных обитателей страны далеко идущие последствия.

Прусский посланник Марфельд уже в феврале 1730 года доно-

сил, что императрица «в душе больше расположена к иностранцам, чем к русским, отчего она в своем курляндском штате не держит ни одного русского, а только немцев». По выражению Ключевского, с воцарением Анны «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели трон, забрались на все доходные места в управлении». Центральной фигурой среди них можно по праву признать бывшего писаря и нынешнего императрицыного галанта герцога Иоганна Бирона, который, как вполне определенно объясняла Анна, «особливо нам любезен верный... через многие годы будучи в нашей службе при комнате нашей».

При Анне вообще появилось много нового, чего раньше и не знали. Императрица открыто ориентировалась на иноземцев, в верности которых она могла быть уверена, ибо, не имея, как и она, корней в русском обществе, они только в ней могли видеть гаранта своего процветания.

Создается, как противовес национальной гвардии — Преображенскому и Семеновскому полкам, — полк Измайловский, где даже среди рядовых не было русских, а лишь выходцы из Малороссии, причем из тех слоев, где еще не исчезли антирусские настроения. Все офицеры нового полка гвардии принадлежали к братству «вольных каменщиков», начало деятельности которых в России также относится к годам правления Анны (1731). На первоначальных этапах деятельности масонского ордена, выделившегося в 1717 году на открытую арену из тайны номинального небытия, применительно к России это общество воспринималось прежде всего как попытка подчинить интересы страны другим европейским державам, так как орденские ложи создавались здесь по инициативе иностранцев. Лишь со временем становится понятным, что цели «каменщиков» глобальнее, и оттого более зловещи.

Для управления страной Анной был создан кабинет министров. Но, ориентируясь на государыню, замечал известный историк XIX века А. Градовский, «кабинет не любил заглядывать внутрь страны». «Вершина русской администрации, — поясняет он, — живет самую внешнею политическою жизнью. Россия для нее только средство для добывания сумм, нужных для того, чтобы участвовать в общем хоре западных держав». Это хорошо видели

иностранные резиденты. По их наблюдениям, «цель двора достигнута, если в Европе говорят, что Россия богата». Однако кабинет в значительной мере номинален. Как и в любом обществе, где основным законом является подкрепленное авторитетом верховной власти беззаконие и право сильного на грабеж по чину, вся полнота реального управления сосредоточилась не в официальных органах, а в руках временщика Бирона. В частном письме одного из иностранцев, адресованном за границу из Петербурга в конце 1738 года, говорилось: «царица часто страдает подагрой и скорбутом, так что, если бы даже у нее был ум для кабинетной работы и влечение к работе, ей, однако, нельзя было бы царствовать самой. Таким образом она и занимается только развлечениями... Что касается управления, то она только представляет свое имя своему дорогому герцогу Курляндскому (таков уже к тому времени был титул Бирона.— Ю. Л.)». Немецкий автор Э. А. Герман уверял, что Бирон «следует только тем советам, которые одобрит иудей, по имени Липман, достаточно хитрый, чтобы разгадать и вести интриги. Он один только посвящается в тайны герцога, своего господина, и всегда присутствует на его совещаниях с кем бы то ни было. Можно сказать, что этот иудей управляет Россиею». Французский посланник Шетарди также полагал, что не Бирон, а Липман «управлял Русской империей». Бирон в компании со своим банкиром централизованно грабили страну.

А. И. Румянцев одним из первых возмутился начавшимся сразу же после воцарения Анны грабежом русской казны, отказался принять назначение «главноуправляющего государственными доходами», заявив, что считает эту должность при существующем положении дел для себя неприемлемой, и избил брата Бирона — Карла. Он был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в свои казанские деревни с лишением чинов и орденов. Все это послужило причиной того, что одни из первых сознательных впечатлений у маленького Петра Румянцева остались от села Чеборчина Алатырского уезда Казанской губернии.

Через несколько лет — в 1735 году — последовало высочайшее прощение. А. И. Румянцев восстановлен в чине генерал-поручика и сделан сначала астраханским, а потом казанским губернатором и назначен командующим войсками, отправлявшимися про-

тив башкир, поднявших восстание в Оренбургском крае. Начальник края Кириллов был сторонником крутых мер. Ратовавший за более гуманный подход Румянцев имел с ним на этой почве неоднократные столкновения.

В 1738 году Румянцев назначен правителем Малороссии, но вскоре переведен в действующую армию — шла очередная неудачная для России русско-турецкая война. Здесь, в числе других, на него пишет «Мнение по долгу моему о Генералах, состоящих при Императорском Вспомогательном корпусе» фельдмаршал Миних, возведенный в это достоинство Анной, так как всех русских фельдмаршалов петровских времен она разогнала: «I. Генерал Румянцев. Он здорового и крепкого сложения; храбр и идет прямо на неприятеля; умен, хорошего обхождения с офицерами, имеет отличную память и большие сведения о внутреннем состоянии Государства. Но как он был употреблен по Министерии и обращал все свои способности более на оное нежели на военное искусство, ему приличнее состоять под командою, нежели самому быть Главным. Он... не знает ни одного иностранного языка и при Иностранной Армии должен употреблять переводчика как в разговорах, конференции, совете и команде; что может иметь дурные последствия; и для него очень затруднительно». Тут Бурхард Христофор Миних прав — затруднительно. Прав и в другом — армия вроде бы и своя, а все равно — иностранная, поскольку резко возросло количество офицеров-иностранцев и именно в эти годы возросло влияние самого фельдмаршала на армию — оно достигло удручающих размеров: исключительное применение иностранных образцов, с точки зрения общей организации, воинских упражнений и мундиров, не принимая во внимание национальных обычаев; усиление дисциплины в том, что она имела бесчеловечного уже при Петре I.

Именно в эти годы собственно и начинается карьера младшего Румянцева — Петра, которого отец устроил дворянином при посольстве, отправляющемся в Берлин. И поехал недоросль, имеющий в запасе лишь домашнее воспитание и образование, в Европу — людей посмотреть и себя показать.

Глава посольства действительный тайный советник Казимир Христофор Бракель в реляции от 6 октября 1739 года на имя

Анны сообщает, что Петр Румянцев — в Берлине и обещает: «...его в потребных молодому человеку науках добрыми и искусными учителями наставлять, о чем впредь далее обстоятельно доносить буду». Однако этими сюжетами императрицу порадовать не удалось, о чем свидетельствует составленная уже в иной тональности реляция от 19 февраля нового 1740 года: «...впрочем принужден нахожусь о невероятных и от часу усуможающихся продерзостях и мотовстве молодого Румянцева жалобы нижайше произнести. И не безопасно, что он от драк по ночам, от чего онаго ни добрым ни злым увещеванием удержать не мочно, или живота, или же по последней мере здоровья лишится... Он отнюдь ничем обучаться не хочет, а приставленные к нему мастера и учителя жалуются о его лености и забиячестве, и уж никто с ним никакого дела иметь не хочет. Я как на выкуп заложенных его галантерей и вещей, так и на потребные расходы уже слишком 600 ефимков за него выдал, и ни в чем нужды онаго не допускаю; однакоже на сие не смотря он многие мотовские долги чинит, и еще вчера свое белье и платье продать или заложить искал, чтобы свои безпутные мотовства с солдатами, лакеями и с другими бездельными людьми продолжать мог». Чрез несколько дней еще более безрадостное — поскольку наконец видны и мотивы такого отношения самого Румянцева к попыткам его просветить и наставить — послание: «Румянцев просится в «отечество». К тому же у него к гражданскому чину и обучению оному склонности нет, но хочет солдатом быть, которым, по его превращенному мнению, ничего знать или учить кроме того, что к солдатскому делу принадлежит, не надобно. Я онаго обещанием, что о скорейшем его возвращении стараться хочу и некоторым к образумлению привел». В общем, Петр Румянцев не хочет цивилизаторской нивелировки Европы, а хочет на Родину. В правление монарха, подобного Анне, это несколько вызывающе, что и подтверждает Рескрипт Анны Бракелю за номером 12 от 1740 года марта 18 дня: «...ежели его иначе укротить не можно, то б вы его во всяком случае под арест посадили, пока он отсюда взят будет».

Все обошлось благополучно. Он вернулся — как и хотел — на Родину и поступил на учебу в Шляхетский кадетский корпус,

но по причинам, сходным с его берлинскими эпопеями, он и там пробыл недолго. В этом же году по ходатайству отца, вновь занявшего привычный пост посла в Стамбуле, Петр Румянцев произведен в подпоручики.

В том же году, когда Румянцев-младший был произведен в офицеры, в октябре 1740 года скончалась Анна Иоанновна. Накануне смерти она провозгласила Бирона регентом при двухмесячном императоре Иване Антоновиче — сыне племянницы Анны Иоанновны — Анны Леопольдовны и герцога брауншвейгского. Однако Бирон продержался совсем мало — буквально несколько недель. Произошел «малый» дворцовый переворот — Бирона оттеснил Миних, способствовавший тому, что регентшей провозгласили Анну Леопольдовну. Гвардия заволновалась, ибо Миних, не обладая непробиваемым апломбом Бирона и его уничижительным пренебрежением к русским, был человек более практичный и осторожный — на всех высших должностях за редчайшим исключением оказались одни немцы. Они хотели гарантий победы и проиграли — переусердствовали в обеспечении надежности достигнутого. Критическая масса иноземцев, грабящих коренных жителей, перешла свой допустимый предел, позволяющий делать это незаметно-эффективно. В их чрезмерности была открытость, возбуждающая противодействие. И в среде гвардии стали зреть те умонастроения, которые имели своим результатом 25 ноября 1741 года, когда брауншвейгская династия была свергнута и на престол вступила «дщерь Петрова» — Елизавета. Впервые за последние десятилетия монарха в России свергают с престола. Накипело.

Елизавета Петровна была подчеркнуто патриотична. Она не любит вспоминать, что переворот произошел во многом на французские деньги (поскольку отвечал интересам внешней политики Франции), которые ей передал ее придворный врач Лесток, ныне получающий по две тысячи рублей за каждое царское кровопускание. Впрочем, подобные лечения продолжались не слишком долго — Лесток, вместе с другим активнейшим участником переворота — гвардейским сержантом Грюнштейном, за день до переворота явившимся с группой гвардейцев к Елизавете и говорившим от их лица о неотложности свержения малолетнего

императора, причем «выказал особенное красноречие», — подверглись опале и ссылке. Ближайшие места заняли природные русаки и малороссы.

Один из французских современников Елизаветы писал: «...она любит только русскую национальность, и любит ее почти до фанатизма, считая ее величие тесно связанным с ее собственным». Когда Елизавете предлагался даже на низшее место кандидат-немец, она спрашивала: «А разве нет русского?» Она, также как и Анна, — барыня-помещица, правда, менее грубая и жестокая. Государственные дела ей скучны. Елизавета — как и многие до нее — лихорадочно наверстывает недополученные в прошедшие годы удовольствия. Когда в 1751 году в ее дворце произошел пожар, то ее потери исчислялись в четырех тысячах сгоревших платьев. Коллегии иностранных дел приходилось иногда заниматься покупкой бриллиантов за счет Елизаветы, а в канцелярии Сената принимаются меры по поводу воспитания двух молодых медвежат, предназначенных для развлечения императрицы. Они должны научиться ходить на задних лапах и прыгать через палку. Канцлер Воронцов признавался французскому посланнику: «Вы не поверите, в какое неловкое положение меня ставят неуверенность и медлительность императрицы. Хотя я верю, что дело может считаться сделанным в тот самый вечер, когда я вас вижу, однако сказать вам это я не решаюсь, потому что на другой день все меняется». Но вместе с тем Елизавета Петровна полностью ощущает себя самодержицей: как-то раз по поводу титулатуры великого канцлера, произнесенной в ее присутствии, она сказала: «В моем государстве великим являемся только я и великий князь. Да и тот только призрак!» Великий князь — это будущий Петр III, муж будущей Екатерины II, официально провозглашенный преемником Екатерины. Их сын, будущий Павел I, в свое время произнесет нечто подобное: «В России значительным человеком является лишь тот, с которым я говорю, и только пока я с ним говорю». Правда, Павлу пришлось в конце концов расплачиваться и за это, и за многое другое. Но это уже был век девятнадцатый.

Такова обстановка, в которой вырослел Петр Румянцев, когда закладывались основы его характера и убеждений. Может быть,

он, будучи патриотом, просто пошел по пути наименьшего сопротивления, ибо в чехарде монархов и фаворитов не всегда удавалось вычлениить некий государстоутверждающий стержень; поскольку твои сегодняшние деяния во благо Отчизны завтра могли трактоваться как государственная измена. И причем с формальной точки зрения все будет совершенно правильно, так как он ведь должен был проявлять лояльность не стране, а персоне, завтра могущей быть переменной. Это что касается дел внутренних. В вопросах внешних — все по-иному, хотя тоже не всегда. Тут, конечно, тоже возможны накладкки, но все же критерии не так зыбки и размыты, благо государства проявляются более рельефно — вот перед тобой друг или враг: воюй или замиряйся. Как бы то ни было там на самом деле, какие мысли ни бродили в голове молодого офицера — вполне вероятно, что он с детства бредил героикой воинских подвигов или просто подчинился традициям своего времени, — факт то, что для Петра Румянцева не нужны были долгие раздумья в момент выбора жизненного пути.

После успешного окончания войны со Швецией (1741—1743 гг.), которая, решив воспользоваться тем, что силы России отвлечены на турок, военным путем добивалась ревизии русско-шведских договоров, вести переговоры о мире (в Або) было поручено А. И. Румянцеву. Он взял с собой сына, в это время уже капитана. 29 июня 1743 года Петр Румянцева привез в Петербург утвержденный шведским королем выгодный для России мирный Абоский трактат; по этому случаю он был пожалован Елизаветой сразу в полковники. По ратификации трактата А. И. Румянцева в ознаменование заслуг был возведен в графское достоинство. Графами становились и все его потомки по нисходящей линии.

Несмотря на свое достаточно высокое положение, полковник граф Петр Александрович Румянцева продолжал эпатировать столицу молодецкими выходками. Как-то раз Елизавета, узнав об очередной проделке Петра Румянцева, отправила его к отцу для наказания. Тот приказал подать розог.

— Да ведь я — полковник!

— Знаю, и уважаю твой мундир, но ему ничего не сделается: я буду наказывать не полковника, а сына.

Вскоре после этого вразумления Петр Румянцева получил Во-

ронезский пехотный полк, которым начал командовать зосемнадцати лет от роду.

В сентябре 1745 года императрица Елизавета выбрала для молодого Румянцева невесту — свою любимицу дочь кабинет-министра Волинского, казенного при Анне Иоанновне. Александр Иванович писал сыну: «Такой богатой и доброй девки едва найти будет можно». Но Петр Румянцев не поехал в Москву на смотрины, и его брак с самой богатой невестой всей Российской империи не состоялся. В 1747 году полк Румянцева переводят в Москву, где в следующем году он женится на дочери фельдмаршала Голицына-старшего — княжне Екатерине Михайловне. В этом же году он принял участие в походе князя Репнина на Рейн. Елизавета поставила В. А. Репнина во главе вспомогательного 37-тыс. корпуса, отправленного ею на помощь австрийской императрице Марии-Терезии, права которой, вступившей на престол после смерти отца Карла VI, оспаривались Пруссией, Испанией, Саксонией, Францией, Баварией, Неаполитанским королевством, курфюрстами Пфальца и Кельна с самого начала ее правления — с 1740 года. Собственно речь шла о разделе Австрийской империи между ее противниками. Русские войска, выступив на стороне Австрии, добились признания прав Марии-Терезии, мира и временной стабилизации отношений в Европе.

По возвращении из похода Румянцев повел спокойную, размеренную жинь, сильно пристрастился к чтению, с которым в дальнейшем не расставался даже в дни войн. Широкой натуре Румянцева нужно было Дело. Не находя его, он тратил себя по пустякам. Обретя же его, он переродился — исчезло все то, что делало его притчей во языцех. Он начинает свою подлинную военную службу. Служит честно и умело. Если до этого своей военной карьере он был обязан в основном отцу, то в дальнейшем он все сделает для себя сам.

Петр Румянцев пробыл в звании полковника почти тринадцать лет, и только в конце 1755 года произведен в генерал-майоры и назначен командиром бригады. То время знало карьеры гораздо ослепительнее.

Его производство произошло почти одновременно с началом общеевропейской Семилетней войны, где Англия и Пруссия про-

тивостояли Австрии, Франции, России, Швеции, Саксонии. Русские войска шли к границам Пруссии... В их составе была бригада генерал-майора Румянцева.

II. ПОЛЯ ПРУССИИ

После окончания войны за Австрийское наследство возросшая мощь Пруссии вызывала опасения французского двора. Франция стала оказывать поддержку ослабленной после войны Австрии Габсбургов, Англия же — Пруссии, рассматривая это как гарантию защиты своих ганноверских владений от вероятного нападения французов. Вскоре после этого король Пруссии Фридрих II напал на Саксонию, видя в ней плацдарм для войны с Австрией, у которой он стремился перехватить гегемонию в германских делах. Так началась Семилетняя война 1756—1763 годов. Цели Фридриха в этой войне были гипертрофированно-хищнические. Он предполагал в дальнейшем «обменять» Саксонию на Чехию; на престол герцога Курляндии он рассчитывал посадить своего брата Генриха Гогенцоллерна; наконец, он предполагал поставить Польшу в полную вассальную зависимость от Пруссии.

Рост могущества Пруссии в середине XVIII века создавал реальную угрозу западным границам России. Еще в 40-х годах в российских правящих кругах сложилась идея ослабить в военном отношении прусского монарха, «сего предприимчивого государя», как выразилась о нем Елизавета, и ограничить его экспансионистские замыслы. Данная идея послужила основой решения русского правительства выступить в войне на стороне антипрусского лагеря. Указанный ведущий мотив изложен в протоколе Конференции при высочайшем дворе от 15 (26) марта 1756 года. Конференция считала необходимым, чтобы «все согласно служило к главному устремлению, а именно, чтоб короля прусского до приобретения новой знатности не допустить, но паче силы его в умеренные пределы привести и одним словом не опасным уже его для здешней империи сделать». Несмотря на определенную основательность данного вывода елизаветинской Конференции, цель этой войны не содержала элементов настоятельной необхо-

димости, не имела того решительного, вплотную затрагивающего национальные интересы государства характера, которым отличаются войны России последующего периода.

Подобные ограниченные цели неминуемо вели к западноевропейской нивелировке русской военной стратегии. Отход от присущей российской стратегии решительности действий объяснялся, кроме того, и сложностью взаимодействия с союзниками — неизбежностью всякой коалиционной войны. Усугублялась эта ситуация и запутанностью положения при дворе. Наследник Елизаветы великий князь Петр Федорович (будущий Петр III) являлся рьяным поклонником Фридриха и не считал нужным скрывать своих симпатий, во всеуслышание заявляя, что война с Пруссией — это роковая ошибка. А поскольку Елизавета в это время была тяжело больна, русское командование не смело игнорировать частное мнение великого князя. Все это вместе взятое сказалось на организации верховного командования. Высшим органом военного руководства являлась петербургская Конференция, командующие войсками были только исполнителями, лишеными самостоятельности в решении основных, наиболее важных стратегических вопросов. Поэтому и в планах и директивах Конференции заметны колебания от вполне здоровых положений, истоки которых можно найти в традициях Северной войны, до ослабляющих позитивность этих положений оговорок и явных уступок постулатам западноевропейской стратегической системы. К тому же большие расхождения имели место в ряде случаев между замыслами Конференции и фактическими стратегическими решениями командующих армий.

Так же часто как командующие армиями расходились с Конференцией в стратегии, они не могли найти общего языка со своими подчиненными и по вопросам тактики. Русская армия — и до этого времени, и после — представляла собой непривычный для иностранцев организм, и когда ее высшие начальники — будучи зачастую сами выходцами из Европы или вспоенные ее молоком — забывали об этом, случались различного рода недоразумения, подрывающие авторитет командиров. Сто лет спустя после Семилетней войны Ф. Энгельс отмечал: «Во всех битвах нынешнего столетия от Аустерлица и Эйлау до Силистрии русские

показали себя отличными солдатами. Их поражения, когда и где бы они ни имели место, вполне объяснимы; эти поражения, может быть, накладывали пятно на репутацию полководцев, но не на честь армии» *.

В своей работе «Армии Европы» Ф. Энгельс писал: «...национальный характер, исторические традиции и особенно различный уровень цивилизации создают много различий и порождают характерные для каждой армии ее сильные и слабые стороны» **. Поведение солдата на войне объективно обусловлено, исторически задано — условиями его существования, всеми характерными чертами образа жизни. Энгельс четко показал это на примере России: «Представим себе Россию в середине прошлого столетия (то есть в середине XVIII века. — Ю. Л.). Уже в то время она занимала огромную территорию с исключительно однородным в расовом отношении населением. Население было редким, но быстро растущим; следовательно, одно уже течение времени обеспечивало рост могущества страны. Это население... в рамках своего традиционного образа жизни было пригодно решительно на все; выносливое, храброе, послушное, способное преодолевать любые тяготы и лишения, оно поставляло превосходный солдатский материал для войн того времени, когда сомкнутые массы решали исход боя» ***.

В это время в Западной Европе господствовала система вербовки в армию, то есть, иными словами, армии были наемными, причем при наборе практически никто не смотрел на национальную принадлежность будущего солдата. Это приводило к тому, что единственной связью между солдатами и страной, за которую они воевали, были денежные расчеты. Определяющий эти взаимоотношения меркантилизм — при полном отсутствии духовного родства и единства — превращал наемника в бездумный механизм, выхолащивал моральную обусловленность его поступков. Жажда наживы, инстинкт самосохранения, проявляющийся и в массовом дезертирстве — как средства избавления по его мнению

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 565.

** Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 436.

*** Там же, т. 22, с. 16.

от опасностей,— все это приводило к насаждению жесточайшей дисциплины. Ф. Энгельс отмечал: «...сформировалась категория людей, которые жили войной и ради войны; и хотя тактика от этого, может быть, выигрывала, но зато качество людского состава — материала, из которого образуются армии и который определяет их мораль», — от этого, конечно, пострадало». Чтобы не оставалось никаких сомнений, Энгельс уточняет: «...индивидуальные качества солдата подвергались деградации...» *

Прусская армия в этом плане являлась типичным и ярким примером. «Солдат должен больше бояться собственного офицера, чем противника». Афористичная аксиома прусского монарха достигалась соответствующим образом. Наемная пехота была сильна лишь под бдительным взором своих командиров. Фридрих II, боясь всеобщего дезертирства, запретил ночные марши и рекомендовал подчиненным ему генералам не увлекаться лесными переходами, исходя из тех же соображений сохранности войска.

Русская армия формировалась по иному принципу — за счет рекрутского набора, своеобразного налога кровью, разверстываемого в конечном счете по местам поселения, где единцей, несущей ответственность за поставки рекрутов, выступала община, мир. Правительство определяло только количество подлежащих набору и меру необходимого довольствия. Порядок же распределения людей регулировался самой общиной. Ф. Энгельс так объяснял храбрость русского солдата: «Русский солдат, несомненно, очень храбр. Пока тактическая задача решалась наступлением пехотных масс, действовавших сомкнутым строем, русский солдат был в своей стихии. Весь его жизненный опыт приучал его крепко держаться своих товарищей. В деревне — еще полукommунитарная община, в городе — кооперированный труд артели, повсюду — *krugovaja poruka*, то есть взаимная ответственность товарищей друг за друга:... Эта черта сохраняется у русского и в военном деле; объединенные в батальоны массы русских почти невозможно разорвать; чем серьезнее опасность, тем

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 368.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 403—404.

плотнее смыкаются они в единое компактное целое» **. Значение этого фактора боеспособности знали и сами современники. Созданная в 1762 году Военная комиссия для реформы армии, анализируя предпосылки «силы войска», пришла к выводу, что «наибольшим же ко всему основанием признается общий язык, вера, обычай и родство». Учет социальной психологии русского крестьянства при строительстве вооруженных сил России был одним из важнейших принципов.

Еще одной чертой русской армии, отличающей ее от европейских наемных армий, было то, что ее рядовой состав рекрутировался только среди представителей великорусской народности. Лишь в последней трети XVIII века система рекрутского набора была постепенно распространена на Украину и Белоруссию. Что касается многочисленных неславянских народностей, то в военное время такие их представители, как башкиры, калмыки, татары, несли службу лишь в составе вспомогательной кавалерии, то есть составляли иррегулярные войска. Подобная система комплектования армии приводила к ее социальной и национальной однородности, что обеспечивало общность социально-психологических установок солдатской массы, придавало ей характер единого целого. Все это способствовало тому, что, в отличие от армий Европы, где господствовал четко выраженный дух индивидуализма, в русской армии формировались верность и любовь к Родине. Выраставшие из чувства долга и бескорыстной преданности общему делу — своему маленькому сельскому миру, своей общине, — эти чувства переносились солдатами-крестьянами и на большой мир, состоявший из многих общин, на общину общин — всю страну. Вся совокупность традиций, обычаев, привычек русского крестьянина-солдата являлась тем фактором, который облегчал ему преодоление естественного чувства опасности, помогал ему сделать нравственный выбор между риском утраты жизни и необходимостью исполнения своего воинского долга.

Кроме этого, рядовой состав русской армии — опять-таки в отличие от Европы — воевал более осмысленно, поскольку военная активность России того времени была направлена, с точки зрения конечных результатов, на осуществление ряда действительно национальных задач. Основные задачи — воссоединение украинцев

и белорусов с великороссами в едином государстве и освобождение славянских народов Балкан из-под ига Оттоманской порты — веками были неизменны. Начиная с раннего средневековья, славянам приходилось по независящим от них причинам жить лишь моральной взаимопомощью, но мысль о совместном освобождении и единстве не исчезала, в судьбах региона она шла четкой этно-исторической нитью. Поэтому вопросы, решаемые в результате войн XVIII века Россией, были близки солдатам не только с точки зрения социально-психологической, но в известной мере и с позиций политических и мировоззренческих.

Офицерский корпус, в подавляющем большинстве состоящий из дворян, несмотря на свое классовое противостояние солдатской массе, по своей сути был воодушевлен теми же идеями. Во многом это объяснялось и тем, что типичный все же путь офицера начинался с солдатской службы. В армейских полках дворяне служили рядом со своими вчерашними крестьянами. Гвардейские полки — Преображенский, Семеновский, позднее Конногвардейский — были первое время целиком укомплектованы одними дворянами, но только самые знатные и богатые из них могли зачислять туда своих отпрысков. «Дворянин-гвардеец,— писал историк В. О. Ключевский,— жил, как солдат, в полковой казарме, получал солдатский паек и исполнял все работы рядового. Державин в своих записках рассказывает, как он, сын дворянина и полковника, поступил рядовым в Преображенский полк уже при Петре III, жил в казарме с рядовыми из простонародья и вместе с ними ходил на работы, чистил каналы, ставился на караулы, возил провиант и бегал на посылках у офицеров». Любовь и привязанность к чему-то или кому-то скорее всего возникнет из направленной на этот объект непосредственной деятельности человека. Недаром во все времена сельское население, занимавшееся трудовой деятельностью и имевшее возможность видеть плоды своих деяний, было наиболее патриотичной частью общества. Быстрее всего готовы отказаться от этих корневых идей верхи и люмпенизированные низы: первые — при угрозе потерять свое многое, вторые — от привычного наплевательского отчаяния. Середина же в данном случае действительно оказывается золотой. Армия — в силу специфики своей деятельности — видела наглядное воплощение свое-

го ратного труда в процветании Отчизны, и поэтому практически вся по мировоззренческим установкам примыкала к срединному наиболее патристическому слою общества.

Историк XIX века поляк К. Ф. Валишевский, не испытывавший к русским, как к одним из участников раздела Речи Посполитой, прямо скажем, никакой симпатии, вынужден был сквозь зубы признать: «...у большинства этих людей — сынов общества, которое было еще на пути к образованию, но «уже испорчено, не успев созреть», как выражались не без основания — нельзя не признать у них любви к общей родине, веры в ее судьбу и готовности жертвовать собой ради ее величия. Такая любовь редко встречалась у кого-либо другого в это время. Они часто грубы и жестоки... но они любят свою Россию, и, начиная от генерала до солдата, они служат ей честно, отдавая труды, кровь и, что еще реже, отдавая везде и всегда полное, слепое послушание, неизменную, абсолютную верность знамени. История не знает изменников среди тех, кого Екатерина посылала на смерть в неведомые земли под командой случайных начальников».

Благодаря всему этому, для русской армии стало возможным отказаться от мертвящих рамок линейной тактики, господствовавшей в военных доктринах этого периода. Доведение отдельных элементов простейших операций солдата на поле боя до полного и абсолютного автоматизма, мелочная регламентация действий солдата и подразделения в бою были неперенными компонентами этой доктрины. Заглушить инстинкт самосохранения, перебить ужас смерти боязнью перед своим непосредственным начальником, не дать армии разбежаться прямо на поле боя — таковы ее основные задачи. Русские солдаты были способны сражаться не только под бдительным присмотром командиров. Специфика русской армии позволяла применять в бою более гибкое построение, одухотворенное личной инициативой каждого участника — например, рассыпной строй. Разумеется, необходимым компонентом этой эволюции было выдвижение на авансцену военачальников, способных к претворению этих форм боевых действий в жизнь. Их деятельность была подготовлена всем ходом исторического развития страны и армии. Первым в этом списке стоит имя Петра Гумянцева.

Однако все это еще впереди. А пока генерал-майор, командир бригады граф Румянцев, не особенно торопясь, ведет своих подчиненных по земле Восточной Пруссии. Он — как и другие высшие военачальники армии — знает, что стратегической целью нынешней кампании является овладение Восточной Пруссией (предполагалось при успешном исходе кампании и войны в целом присоединить Курляндию, удовлетворив претензии Польши за счет Восточной Пруссии). Противостоять этим планам Конференции должен был фельдмаршал Левальд, которому Фридрих II выделил корпус численностью порядка 30 тысяч человек. Русская армия под командованием фельдмаршала С. Ф. Апраксина насчитывала примерно 65 тысяч солдат. К весне она была сосредоточена в районе Ковно.

Конференцией был разработан план кампании 1757 года, ясно требовавший в ходе наступления на восточную Пруссию «...находившемуся в оной войску (противника.— Ю. Л.) ретирату пресечь и тем к сдаче генеральной баталии принудить». Военный совет армии под руководством Апраксина подтвердил это решение: «...Как скоро в неприятельскую землю вступится, то неусыпное старание приложено будет неприятеля атаковать».

Однако реализация плана столкнулась с рядом трудностей. В июне русская армия начала наступление в направлении на Кенигсберг, но двигалась крайне медленно. Полученный в июле Апраксиным рескрипт призывал его прежде всего к боевым действиям против непосредственной живой силы противника: «Более всего наша честь крайне с тем сопряжена, чтоб Левальд от нас не ушел. Приобретение не только Пруссии, но хотя б чего и большего, почитаем мы за ничто, ежели б Левальд, оставляя сие королевство, соединился с королем прусским». Но русский командующий продолжал наступление крайне медленно. Узнав, что противник преградил ему путь на выгодной позиции у Велау, Апраксин, не решаясь на фронтальную атаку, начал ее дальний обход. В ходе этого маневра он был сам 19(30) августа атакован у деревни Гросс-Егерсдорф во время марша. Левальд, имевший 24 тысячи против 55 тысяч русских, возлагал свои надежды на внезапность и предполагаемое им качественное превосходство прусского

войска. Однако этих компонентов оказалось недостаточно, и он был наголову разбит.

За несколько дней до этого — 23 июля — Фридрих II предписал губернатору Пруссии Гансу фон Левальду подробную инструкцию, в которой он, не колеблясь, предвидел удачу при столкновении своего фельдмаршала с русской армией. Фридрих писал, что, потерпев поражение, как следовало ожидать, русский командующий пришлет парламентаря, и прусский король не будет требовательным — небольшие земельные приобретения, за которые придется уплатить и не России даже, а Польше.

С формальной точки зрения Фридрих был даже в чем-то прав, поскольку ни для кого не было секретом, что в это время в русской кавалерии из шести кирасирских полков у трех не было кирас; солдаты, плохо обученные, имели плохих лошадей; каждый маневр сопровождался смятением рядов и многочисленными падениями. Среди драгунских частей армии некоторые офицеры излишне буквально подтверждали пословицу: «Плох, как драгунский офицер». Гусары, лучше обученные и одетые, ничего не понимали в разведывательной и патрульной службе. Хорошие наездники — калмыки — были вооружены лишь луком и стрелами.

Поначалу сражение протекало так, как и планировали Фридрих и Левальд. Несмотря на численное превосходство русской армии, она была с самого начала поставлена в тяжелое положение внезапностью удара. Русское войско было атаковано во время выдвижения сквозь лесное дефиле из района своего лагерного расположения по дороге на юг, на Алленбург. Головные соединения выходили из дефиле на открытое пространство у деревни Гросс-Егерсдорф, где уже развернулись в боевые порядки и были готовы к атаке пруссаки. Главный удар Левальда пришелся по колоннам второй дивизии, только что начавшей выдвигаться из леса. В несколько минут Нарвский и Второй гренадерский полки дивизии потеряли до половины своего личного состава. Но все же полки самостоятельно развернулись вправо от дороги на южной опушке лесного массива северо-восточнее деревни и остановили противника, но правый фланг образованной дивизией линии оказался открытым. Бой здесь был очень упорным, но, по свидетель-

ству очевидца А. Т. Болотова, наблюдавшего его с небольшого расстояния, носил характер артдуэли: «Огонь зделался с обеих сторон непрерывной ни на одну минуту... Оба фрунта находились в весьма близком между собой расстоянии и стояли в огне непрерывном». Судя по реляции Апраксина, бой на южной опушке леса продолжался около трех часов. Положение второй дивизии стало критическим. Прусская армия, продолжая теснить русских фронтально к лесу, охватывала открытый правый фланг. Левальд в ходе этого натиска захватил до 80 русских пушек. В этот момент в сражении произошло событие, склонившее победу на сторону русских и отнявшее у прусского фельдмаршала вполне заслуженную — по его мнению — победу.

К северу от леса, на южной опушке которого сейчас дралась вторая дивизия находился резерв первой дивизии в составе четырех полков бригады Румянцева. Бригада стояла, всеми забытая, без дела, поскольку Апраксин практически не руководил сражением. По своей инициативе Румянцев сначала выслал через лес разведку, а потом бросил туда же свои полки, вопреки всем правилам линейной тактики, так как подобное продвижение, возможное лишь мелкими группами, категорически запрещалось. Продравшись сквозь болотистый лес, полки под командой Румянцева ударили в штыки так, что пруссаки «...тотчас помешались и по жестоком кровавом сражении с достаточным числом своих войск, в наивысшем беспорядке свое спасение действием искать стали».

Беспорядочное бегство здесь определило общую победу. Следствием этого поражения было то, что Левальд открыл дорогу на Кенигсберг, одну из мощнейших крепостей, которую русские скоро захватили и оставались там около двух лет.

Пруссский фельдмаршал допустил в ходе сражения ошибку, которую в дальнейшем повторит и сам Фридрих, — он все время рассчитывал на деморализующее влияние поражения одной части русского войска на все остальные, однако этого не происходило ни до, ни после Егерсдорфа. Это вскоре подтвердил Цорндорф.

Вслед за победой для русской армии наступила полоса неудач. Военные советы, собиравшиеся 27 августа, 13 и 28 сентября под предводительством Апраксина, постановили отступать за пре-

дела Восточной Пруссии. Отступление происходило в тяжелейших условиях. Распутица, недостаток провiantа, стычки с прусскими разбездами многим стоили жизни. Существует версия, что Апраксин, якобы из-за письма канцлера Бестужева-Рюмина о смертельной болезни Елизаветы, торопился с армией в Россию, чтобы в нужный момент бросить тяжесть ее штыков на неустойчивую чашу весов выбора ее преемника — Петр или Екатерина. Но необходимо заметить, что решение принимал военный совет, на котором лишь незначительная часть могла чувствовать себя приобщенной к большой политике двора. Вероятнее всего, иные причины, менее романтические, послужили обоснованием отхода — ощущалась острая нехватка продовольствия, поскольку система снабжения за счет местного населения была еще непривычна русскому командованию.

Так или иначе, но русская армия отступила на зимние квартиры в Литву и Курляндию. Апраксин был отстранен от командования выздоровевшей Елизаветой, взят под стражу и умер на одном из первых допросов от апоплексического удара. На его место был назначен генерал В. В. Фермор, англичанин по происхождению, некогда бывший начальник штаба у Миниха, а последнее время служивший главным директором императрицыных построек.

Армия под его командованием по первому зимнему пути снова двинулась в Восточную Пруссию (Левальда там уже не было — его корпус был переброшен в Померанию против шведов) и в короткое время в январе 1758 года заняла ее. В этом походе Румянцев командовал одной из двух наступающих колонн и занял Тильзит. Затем во главе своих частей он вместе с войсками генерала И. Салтыкова вступил в Кенигсберг и Эльбинг.

Из Кенигсберга он был отправлен в Столбцы (около Минска) для переформирования кавалерии. Здесь учли его опыт 1756 года, когда он формировал новые гренадерские полки. Через три месяца Румянцев привел в Мариенвердер 18 эскадронов (оставив на месте кадры для дальнейшего пополнения), что, вместе с переформированными им же кирасирами, дало до 7 тысяч регулярной конницы. С частью этой конницы Румянцев маневрировал впереди фронта армии до последовавшей в августе осады Кюстрина.

Кюстрин после занятия Восточной Пруссии стал главной стратегической целью военного плана конференции. Эта крепость была узлом дорог и переправ при слиянии Варты с Одером на правом берегу Одера. «Чрез то король прусский лишился бы всей Померании и части Бранденбургии», — отмечалось в плане. Конференция считала, что, «овладев Кистрином, можно по справедливости удовольствоваться тем почти на всю кампанию нам и нашим союзникам». Это был типичный подход западноевропейской стратегии. Стратегия эта проявилась и в том, что сформированные в западных областях России пополнения были организованы — вместо того чтобы влиться свежей кровью в поредевшие полки ветеранов — в отдельную группу (так называемый Обсервационный корпус), двигавшийся из района формирования с отставанием от главных сил армии, шедшей из Нижней Вислы. Фактическое разделение армии на две группы имело своим следствием ошибочную мысль Конференции и Фермора решать различные самостоятельные задачи каждой из этих групп. Планировалось направить Обсервационный корпус к крепости Глогау и Франкфурту-на-Одере с целью их овладения силами только этой группы.

Лишь в августе главные силы русской армии начали боевые действия против Кюстрина (выйдя с зимних квартир в конце мая). Фридрих уже успел к этому времени подготовиться к противодействию. Он пришел с частью войск из Силезии, присоединил корпуса, действовавшие здесь против русских ранее, и решил атаковать русскую армию на восточном берегу Одера. Силы русской армии были распылены Фермором. Ядро армии находилось под Кюстрином, корпус Румянцева был направлен к Шведту (что-то в 60 километрах от Кюстрина), где он предполагал место переправы Фридриха, Обсервационный корпус находился от него более чем в двух переходах, позади главных сил. Кроме того, от корпуса Румянцева был отделен отряд Рязанова для осады Кольберга. Румянцев 5(15) августа обратил внимание командующего на опасность такой разброски.

Фридрих переправился, естественно, не там, где его ожидали и готовились к этому, и 14(25) августа атаковал русскую армию при Цорндорфе. К этому моменту Фермор успел подтянуть Обсервационный корпус, но Румянцев по-прежнему находился у

Шведта. С русской стороны в сражении участвовало более 40 тысяч, с прусской — более 30 тысяч. Почти 10 тысяч прусской кавалерии, вдвое превосходя по количеству русскую, уравнивали силы. Фермор занимал у Цорндорфа выгодную позицию — немного в стороне от Кюстрина фронтом на север, где была переправа и откуда он ждал наступление прусской армии. Всю артиллерию он расположил тут же. Русские батареи, заблаговременно установленные на крутом берегу, господствовали над местностью. Но Фридрих и не думал переправляться под огнем русских орудий. Он обошел эту позицию и, сделав три четверти круга, вышел русским в тыл. Фермор не сделал ни малейшей попытки помешать этому маневру. Он лишь приказал обеим линиям боевого порядка, не сходя с места, сделать поворот кругом. В результате этого все преимущества позиции утратились и господствующие высоты оказались у пруссаков. Фридрих спокойно развернул армию в боевой порядок и приказал открыть беглый ружейно-артиллерийский огонь.

Русская пехота правого крыла в ответ на это перешла совместно с кавалерией в контрнаступление и опрокинула штыковым ударом прусские батальоны. На левом русском крыле пехота Обсервационного корпуса, также совместно с кавалерией, не дожидаясь прусского наступления, сама перешла в атаку и полностью разгромила противостоящую пехоту Фридриха. Но общее руководство у русских отсутствовало. Фермор после первых же прусских залпов покинул поле баталии, оставив своих подчиненных наедине с их судьбой. Прусская кавалерия, включая и знаменитых «черных гусар», воспользовавшись подобной открытостью, предпринимала постоянные атаки на незащищенные фланги. Русские противопоставили ей плотный огонь. В том числе и артиллерийский, поскольку солдаты и офицеры, брошенные начальством, под пушками противника установили орудия на новые позиции.

Фридрих с надеждой смотрел на поле сражения. «Фермор сдается... он сдался... впрочем, я еще не уверен в этом», — посылал он депеши своему брату, герцогу Брауншвейгскому. По мере продолжения боя уверенность короля все истончалась. Пруссак бросались в атаку снова и снова, но не могли опрокинуть сжавшуюся массу русских войск. «Сами пруссаки говорят, — писал

участник Цорндорфа русский офицер Болотов, — что им представилось такое зрелище, какого они еще не видывали. Они видели везде россиян малыми и большими кучками и толпами, стоящих по расстреливании всех патронов своих, как каменные и обороняющихся до последней капли крови, и что им легче было их убивать, нежели обращать в бегство. Многие, будучи простреленными насквозь, не переставали держаться на ногах и до тех пор драться, покуда могли их держать ноги; иные, потеряв руку и ногу, лежали уже на земле, а не переставали еще другою здоровую рукою обороняться и вредить своим неприятелям...» Французский дворянин на прусской службе де Катт в записках «Мои разговоры с Фридрихом» свидетельствует о том же: «Русские легли рядами; но когда их рубили саблями, они целовали ствол ружья и не выпускали его из рук». Сам Фридрих, вспоминая позднее этот день, сказал: «Они (русские) неповоротливы, но они держались стойко, тогда как мои негодяи на левом фланге бросили меня, побежав как старые шлюхи».

К вечеру сражение затихло. Русские потеряли убитыми и ранеными до 18 тысяч (из них убитыми 1200 офицеров), пруссаки — 10 тысяч. А утром Фридрих снова увидел перед собой монолит русских полков; армия без полководца не воспользовалась ночной темнотой, чтобы уйти после понесенного урона с поля битвы, а вновь была готова принять бой. Когда русские вышли из лагеря и направились на соединение с корпусом Румянцева, Фридрих, не начиная нового сражения, уклонился с их дороги. Чувство неуверенности и неудовлетворенности владело им. Несмотря на формально одержанную победу, он не смог уничтожить русскую армию. Она была жива. Пришедшей к нему крестьянке с просьбой места для сына прусский король ответил в эти дни довольно невесело: «Бедная женщина, как дам я вам место, когда не уверен, что сохраню свое?»

Королевский пессимизм был вызван тем, что после Цорндорфа Фермор, присоединив свежий корпус Румянцева, получил значительный перевес в людях над прусской армией, тем более что Фридрих был вынужден вскоре увести часть сил в Саксонию. Однако русский главнокомандующий не сделал никаких попыток атаковать неприятеля. Он лишь маневрировал, предпринял еще

одну безуспешную осаду Кольберга и в ноябре вернулся на прежние зимние квартиры на Нижней Висле. Год кончился для русских войск ничем.

В это же время Фермор, не любивший Румянцева, отстранил его от непосредственного командования и назначил начальником тыла армии. В этом качестве в 1759 году Румянцев руководил формированием особого тылового корпуса, предназначенного для прикрытия военных складов продовольствия по Висле и в Восточной Пруссии, работал по укомплектованию и снабжению армии, участвовал в управлении занятой русскими Восточной Пруссии. Будучи начальником тыла, Румянцев держал большую часть войск, назначенных для обороны всего течения Нижней Вислы, в центральном пункте, чем грубо нарушал предписания линейных артикулов; требовал увеличения конницы для разведок, настаивал на подчинении командующему войсками в тылу хозяйственных тыловых учреждений. Словом, делал все то, что не вписывалось в параграфы регламентированных уставов.

Но Румянцев не долго находился в этой должности. Вскоре после его назначения начальником тыла Фермор был отстранен от командования армией, и на его место назначен П. С. Салтыков. До его приезда начальство над армией было поручено генералу Фролову-Багрееву, но с секретным предписанием ничего не делать без совета с Румянцевым и его зятем генералом князем А. Голицыным. Генерал-аншеф Салтыков прибыл к войскам и принял командование 19(30) июня 1759 года. Последнее время до назначения командующего армией он был командиром украинских ландмилицейских полков. Болотов, видевший Салтыкова в Кенигсберге, на его пути в действующую армию, так описывает свои впечатления: «Старичок, седенький, маленький, простенький, в белом ландмилицейском кафтане, без всяких украшений и без всяких пышностей, ходил он по улицам и не имел за собою более двух или трех человек. Привыкнувшим к пышностям и великолепиям в командирах чудно нам сие и удивительно казалось, и мы не понимали, как такому простенькому и, по всему видимому, ничего не значащему старичку можно было быть главным командиром столь великой армии и предводительствовать ей против такого короля, который удивлял всю

Европу своим мужеством, проворством и знанием военного искусства. Он казался нам сущою курочкой, и никто и мыслить того не отваживался, что мог учинить что-нибудь важное. Но у Салтыкова за неказистой внешностью было то, что отличало его от предшественников на этом посту и что будет в дальнейшем обязательным для всех крупнейших русских полководцев — творческое отношение к ратному делу, здравый смысл, энергия, осторожность, хладнокровие, твердость и сообразительность в минуту опасности, стремление видеть картину всю целиком своими глазами и глубокое знание русского солдата. Вскоре после приезда Салтыкова последовал перевод Румянцева снова в действующую армию.

Летом 1759 года началась новая кампания Семилетней войны. К середине июня Фридрих II, имея свои основные силы в Силезии и группу войск принца Генриха в Саксонии (в совокупности порядка 95 тысяч человек), находился между армиями союзников. Кроме этих войск, отдельный корпус генерала Доны действовал против русской армии в Польше. Фридриху противостояло 135 тысяч австрийцев и около 40 тысяч русских, из них приблизительно 8 тысяч иррегулярной конницы. В этой обстановке и начал проявляться военный талант Салтыкова. Почти молниеносно он произвел блестящий маневр, в результате которого 12 (23) июля корпус Доны был наголову разбит при деревне Пальциг. В этом сражении русские кирасиры, воспитанные Румянцевым, под командованием генерала Панина опрокинули прусскую пехоту, разгромили и обратили в бегство. Дону почти не преследовали. Салтыков торопился использовать победу при Пальцинге, расчистившую ему путь к Одеру, для соединения с австрийцами.

Однако австрийцы не проявляли подобного нетерпения. Главнокомандующий Даун, в частности, не предпринял ни малейшей попытки отвлечь пруссаков на себя в тот момент, когда Салтыков сражался с Доной. Видя это, Салтыков решает самостоятельно идти к Франкфурту-на-Одере, с тем, чтобы создать угрозу Берлину; 23 июля (3 августа) русская армия подошла к Франкфурту и расположилась на высотах в районе деревни Кунерсдорф на правом берегу Одера. Город был занят отрядом русских войск.

До Берлина оставалось чуть более 80 километров. Фридрих отреагировал весьма оперативно: он взял часть своих главных сил, часть корпуса принца Генриха, присоединил остатки, уцелевшие после Пальцига, и, набрав в общей сложности около 49 тысяч, решил дать Салтыкову бой. Салтыков после присоединения к нему корпуса австрийца Лаудона, которого Даун послал на помощь русским вместо объединения армий, располагал армией в 59 тысяч.

С этими силами он занялся оборудованием позиции на Кунерсдорфских высотах. Фридрих переправился через Одер ниже Франкфурта, оставив на левом берегу сильный отряд Вунша (около 7 тысяч человек), и 1 (12) августа атаковал русско-австрийскую армию при Кунерсдорфе.

Салтыков расположил войска на трех разделенных оврагами группах высот: западной — Юденберг, центральной — Гросс-Шпицберг, восточной — Мюльберг. Правый фланг позиции примыкал к Одери, левый — к оврагу Беккергрунд. К северу от гряды высот, особенно в западной части этого пространства, местность была лесисто-болотистая, что затрудняло доступ к позиции с тыла. Перед фронтом позиции у оврага Кунгрунд, разделявшего Гросс-Шпицберг и Мюльберг, лежала деревня Кунерсдорф, далее к югу под тупым углом к фронту тянулась цепь озер и проток между ними. Фронт и фланги позиции были прикрыты земляными укреплениями.

В построении войск Салтыков применил новшество, в конечном итоге в немалой степени решившее участь боя: построив русскую пехоту в обычные две линии, он в отличие от канонических правил построения линейного боевого порядка создал очень сильный резерв за правым крылом. Здесь стояла часть русской кавалерии и весь австрийский корпус. Русский командующий прежде всего стремился усилить правое крыло, от позиций которого расходились все его возможные пути отступления. Он предусматривал, кроме того, и возможности маневра резерва вдоль фронта, что и было сделано им в дальнейшем. Обсервационный корпус Салтыков расположил на левом фланге.

Прусская армия, смещаясь в район к востоку от позиции Салтыкова с места своей переправы на Одере, развернулась под

прямым углом к фронту союзников, выдвинула батареи на высоты к северо-востоку и юго-востоку от Мюльберга и после сильной артиллерийской подготовки двинулась в атаку на левое крыло армии Салтыкова.

Русский командующий не препятствовал этому маневру. Он лишь стремился ограничить движение Фридриха на запад, к правому крылу позиции союзников. С этой целью по приказу Салтыкова была подожжена деревня Кунерсдорф и уничтожена переправа через междуозерную протоку южнее этой деревни. Подобные меры предупреждали попытки прусской армии сковать силы союзников с фронта и оставляли возможность маневра своими войсками вдоль позиции.

Предпринятая Фридрихом охватывающая атака левого крыла русской позиции была для него успешной — пруссакам удалось ворваться в укрепления, прикрывавшие левый фланг, опрокинуть полки Обсервационного корпуса и овладеть Мюльбергом. Такому исходу первой фазы сражения способствовал перекрестный огонь прусской артиллерии, наличие перед укреплениями мертвых пространств и недостаточная еще устойчивость малообстрелянных войск Обсервационного корпуса.

Прусская армия продолжала настойчиво атаковать. Фридрих рассчитывал продольным ударом растерзать боевой порядок русских. При этом фронт атаки сильно сузился, и пехота короля, в сутолоке боя сбиваясь в линии, непреднамеренно получила глубокое построение. Как рисует действия неприятеля Салтыков в своей реляции, тот «...сделав из всей своей армии колонну, устремился со всею силою сквозь армию вашего величества до самой реки продраться». Русская армия ответила на этот удар Фридриха перестроением боевого порядка ближайших к левому флангу полков центра, создавших оборону на восточных склонах Гросс-Шпицберга, и переброской вдоль фронта сил, взятых у правого крыла и из резерва. Русские и подходившие австрийские полки, перестроившись в несколько линий и создав тем самым глубоко эшелонированную оборону, оказали наступающим пруссакам стойкое сопротивление. Прусская пехота, наступавшая в глубоком построении, оказалась в невыгодных условиях с точки зрения огневой тактики — она не могла использовать

большей части своих ружей, всегда бывших самой сильной стороной наемной пехоты.

Фридрих, поняв это, пытался расширить фронт атаки, с целью охватить центр союзников. Для этого он двинул группу войск своего правого крыла в обход позиции союзников на Гросс-Шпицберге слева, а сильную кавалерию левого крыла направил на фронт основной русской позиции. Прусская группа правого фланга после скоротечного боя, в ходе которого ее кавалерии удалось ворваться с тыла внутрь ретраншемента, была опрокинута и частично рассеяна. Кавалерия же прусского левого крыла, вынужденная под сильным огнем русской кавалерии преодолевать водные препятствия к югу от Кунерсдорфа, вообще не смогла выйти на атаку. Бой на Гросс-Шпицберге был тяжелым для русской пехоты, поскольку армия Фридриха отчасти сохраняла свое начальное охватывающее положение; она с трудом сдерживала неприятеля, однако с подходом подкреплений фронт союзных войск, расположенный поперек прежнего, был удлинен, и положение сразу улучшилось.

Значительна в этой фазе боя роль русской артиллерии. Еще в 1756 году русская армия получила гаубицы шуваловской системы и более легкие, подвижные скорострельные орудия — единороги. Во время боя за Мюльберг была начата перегруппировка русской полевой артиллерии центра и правого крыла к левому флангу. В дальнейшем, когда бой шел за Гросс-Шпицберг, такой маневр был осуществлен в больших масштабах. Шуваловские гаубицы сыграли важную роль при отражении обходной правофланговой группы пруссаков, единороги вышли победителями из поединка с прусской артиллерией, ведя огонь через боевые порядки своей пехоты. Так же действовали единороги полковой артиллерии, находившиеся со своими полками не в первой линии боевого порядка. Фридрих же сумел переместить на Мюльберг лишь часть своей полевой артиллерии, наиболее же тяжелые орудия остались на исходных, чересчур удаленных от фронта позициях.

На Гросс-Шпицберге после ожесточенного четырехчасового боя с подходом подкреплений с правого крыла и из резерва все более явной становилась скорая победа союзников. Некоторые

части русской пехоты по собственной инициативе начали переходить в штыковые контратаки. Этот пример увлек остальных и вскоре привел к решительному перелому в ходе сражения. Прусская пехота обратилась в толпу и бросилась с поля боя. Сражение завершилось полным разгромом армии Фридриха.

В этом сражении генерал-поручик Румянцев командовал центром армии — ее второй дивизией, расположенной на Гросс-Шпицберге. Румянцев лично возглавил кавалерийскую контратаку, опрокинувшую кирасир Фридриха, а затем руководил массированным артиллерийским огнем, дважды отбросившим от русских окопов конницу Зейдлица — лучшую в Европе. Фридрих предпринял еще одну попытку и бросил против пехоты Румянцева драгун принца Вюртембергского и гусар генерала Путткаммера, но русская пехота совместно с австрийцами Лаудона штыками смела прорвавшихся. Артиллерия завершила поражение. Ближе к вечеру пехота генерала Панина погнала пруссаков на позицию командира первой дивизии князя Голицына (на Мюльберг), где сгрудившиеся толпы противника, все менее и менее походившие на солдат, расстреливались артиллерией Румянцева. Наконец началось повальное бегство. Из всего войска пруссаков Фридрих после боя сумел собрать только три тысячи. Он меланхолично подумывал о самоубийстве и в переписке с Берлином рекомендовал еще сидящим там спасти двор и архивы.

Но союзники дали Фридриху передышку. Решительного наступления на Берлин, способного поставить победную точку в многолетней войне, не последовало. Уже через несколько дней Фридрих, отлавливая свое разбежавшееся по округе войско, сумел увеличить его количество до 30 тысяч. Война затягивалась.

В 1760 году заболевший генерал-фельдмаршал Салтыков был заменен фельдмаршалом А. Б. Бутурлиным. Приблизительно в это время был осуществлен корпусом русских войск под командованием З. Г. Чернышева набег на Берлин, который Румянцев планировал еще за год до этого.

Бутурлин поставил перед Румянцевым задачу — взять Кольберг, сильную прусскую крепость, двукратные попытки овладеть которой в прежнее время уже заканчивались неудачами. Взятие

этой крепости могло бы обеспечить стратегический простор союзникам на Померанском театре военных действий.

Кольберг защищал с северо-востока подступы во внутренние области Пруссии и к Берлину. Предыдущие попытки осады побудили Фридриха усилить оборону. Гарнизон довели до четырех тысяч человек при 140 крепостных орудиях. В непосредственной близости от города была создана мощная оборонительная база: высоты, расположенные к западу, были обращены в лагерь, исключительно сильно укрепленный и труднодоступный из-за природных условий. В лагере располагалось 12 тысяч солдат принца Вюртембергского. С востока систему укреплений защищал болотистый кольбергский лес. К югу и к северу от него тянулись труднопроходимые топи, которые прерывались возвышенностями, сильно укрепленными противником. Со стороны лагеря, то есть с запада, лежали обширные болота и искусственные затопления. Глубокая река Персанта, протекавшая с юга на север и прикрывавшая Кольберг также и с запада, еще больше затрудняла действия осаждающих.

Румянцеву был выделен достаточно сильный отдельный корпус, и он прочно обложил укрепленную местность с суши, а с моря блокировал крепость при помощи флота, который, кроме того, высадил на берег десант и вел бомбардировки укреплений.

В распоряжении противника в начале действий Румянцева находилась коммуникация Нижний Одер — Кольберг, по которой шло снабжение крепости и лагеря. Кроме того, пруссаки пытались сорвать организованную Румянцевым блокаду Кольберга действиями выделенного из главных сил прусской армии кавалерийского корпуса. Желая нанести удар по левому флангу Румянцева, Фридрих выслал в город Терптов отряд генерала Вернера из двух тысяч кавалеристов и 300 пехотинцев при шести орудиях. Задачей Вернера являлось внезапное нападение на русский тыл. Получив сведения о движении отряда Вернера, Румянцев отправил вслед за ним драгун, казаков и два батальона гренадер под командой А. И. Бибикова. Ночью русские окружили город и близлежащие деревни.

Румянцев обучал пехоту своего корпуса действиям в колоннах, поэтому дальнейшие события под Трептовом развернулись

вопреки классическим диспозициям. Обычно в подобных ситуациях дальнейшие действия — после окружения — происходили медленно. Полководец выстраивал свои войска в две располагавшиеся одна за другой на расстоянии 100—150 шагов линии. Наступление велось широким развернутым флангом. Поскольку войска строились и наступали медленно, наступающий лишался выгоды внезапности. Скованный неповоротливостью своего боевого порядка, при котором требовалось равномерное распределение силы по всей линии, он не мог сосредоточить войска в определенной точке и нанести врагу удар по особо уязвимому его участку. Всякое маневрирование было до крайности затруднено.

Полковник же Бибиков атаковал противника, «сделав батальонную колонну», обрушив на Вернера быстрый сосредоточенный удар. Удар был так неожидан и мощен, что вызвал полное расстройство сил пруссаков. Город был занят русскими. Кавалерия Бибикова атаковала деревни, выбила оттуда противника и долго гнала его, сидя у него на плечах. Вернер потерял убитыми более 600 человек; в плен было взято около 500 (включая и самого Вернера); захвачены два орудия и обоз.

Осада Кольберга успешно развивалась, но вскоре в тылу у Румянцева возникла новая угроза. Сильный отряд прусского генерала Платена, посланный Фридрихом, быстрым налетом, разрушая русские коммуникации и разрушая магазины с провиантом, подошел к Кольбергу и поставил под угрозу сообщение русского осадного корпуса с его тылом. Военный совет, созданный 9 сентября, ввиду сложности положения предложил единогласно снять осаду. Румянцеv отказался. В это время Платену удалось прорваться в крепость и соединиться с ее гарнизоном, увеличив его до 17,5 тысяч. 23 сентября вновь собранный совет высказался за снятие осады. И снова Румянцеv отказался. Он в это время занялся разрушением коммуникаций противника, поскольку прямая атака на крепость в создавшейся ситуации была невозможна.

В конце сентября ему удалось захватить ряд транспортов противника, взорвать его артиллерийские склады в городе Гольнове, занять Наугард и нанести поражение крупным отрядам, послан-

ным для охраны продовольственных баз. В силу этого положение пруссаков стало довольно опасным: было решено для поправления положения отправить отряды Платена и генерала Кноблоха, поставив их задачей восстановление коммуникаций. На подкрепление этих частей Фридрих выслал отряд полковника Корбьера к Гольнову, что заметил Румянцев, который выслал против него легкую конницу. Вот как описывает дальнейшие события А. В. Суворов, подполковник в корпусе Румянцева: «Знатная часть Прусского войска выступила от Кольберга, по военным потребностям, к стороне Штетина; к нашему легкому корпусу (при генерале Берхе.— Ю. Л.) на походе соединился Генерал Князь Михайла Никитич Волконский с кирасирскими полками; передовые наши отряды к стороне Регенвальда встретились с Прусским авангардом; при моем нахождении, четыре эскадрона конных гренадер атаковали пехоту на палашах, гусары сразились с гусарами; весь сильный авангард с Подполковником Курбьером взят был в плен, и его артиллерия досталась в наши руки; в последи я напал с ближним легким отрядом в расстоянии малой линии на Прусских фуражиров, под самым их корпусом, где тако ж, сверх убитых, много взято в плен. В ночи Прусский корпус стал за Гольнов, оставя в городе гарнизон; Генерал Граф Петр Иванович Панин прибыл к нам с некоторую пехотою; я одним гренадерским баталионом атаковал ворота и, по сильном сопротивлении, вломились мы в калитку, гнали Прусский отряд штыками чрез весь город, за противные ворота и мост, до их лагеря, где побито и взято было много в плен. Я поврежден был контузиєю в ногу и в грудь картечами, одна лошадь ранена подо мной в поле». А в это время Румянцев окружил отряд Кноблоха, который, видя невозможность сопротивления, сдался. Русские захватили более 1600 человек пленных, 15 знамен и 7 орудий. Платену все же удалось уйти.

Тем временем в Кольберге кончились запасы продовольствия, дезертирство приняло массовый характер. Дезертиров ловили, отрезали нос и уши, но некоторые и в таком виде умудрялись пробираться к русским.

В критической ситуации, создавшейся для осажденных, командующий войсками укрепленного кольбергского лагеря принц

Вюртембергский в конце октября отступил на соединение с отрядом генерала Платена. Русские заняли его лагерь и приступили к еще более интенсивной осаде Кольберга. В ночь с 4-го на 5-е Румянцев взял укрепление Вольфсберг, на следующий день занял устье Персанты и подошел к городу. В ходе последовавшей атаки русские войска заняли одно из его предместий. Начались траншейные работы и подготовка к штурму.

Прусский король, желая удержать крепость, приказал Платену и принцу Вюртембергскому прорваться в Кольберг и доставить туда транспорт с продовольствием. Но попытка эта закончилась неудачей: их атака была отбита, и, преследуемые легкой русской конницей, пруссаки поспешно отступили.

Комендант крепости полковник Гейде, почувствовав близость неминуемого, повел переговоры с Румянцевым о сдаче крепости на почетных для себя условиях. Румянцев отказался обсуждать подобное предложение, и 5 декабря Гейде сдался на русских условиях. Русским достались три тысячи пленных, 146 орудий, знамена, большие запасы оружия, снаряжения и амуниции. Со взятием Кольберга русская армия получила базу снабжения вблизи наиболее важных жизненных центров противника. Налицо были предпосылки для победоносного окончания войны в кратчайший срок.

Осада Кольберга русскими войсками под командованием Румянцева привела и к некоторым новым явлениям в русском военном искусстве. В этот период в войсках осадного корпуса Румянцева были сформированы два батальона егерей — легкой пехоты, способной к ведению боя в рассыпном строю. Два эти батальона были сформированы Румянцевым из охотников (то есть добровольцев). В директиве о их формировании даются и указания по тактике этих частей. В частности, Румянцев рекомендует при преследовании противника «лучших же стрелков и в одну шеренгу выпускать». Такая шеренга при действиях на пересеченной местности сама собой превращалась в рассыпной строй. Местностью, наиболее выгодной для использования легкой пехоты, директива признавала леса, деревни и «пасы» (то есть дефиле, стесненные переходы).

Легкая пехота, подобная егерям Румянцева, существовала в армиях Европы и раньше. Так, австрийская армия имела в своем составе иррегулярную пехоту милиционного типа, комплектовавшуюся из славянских народов монархии: хорватов и пандуров. В прусской армии в ходе Семилетней войны было также создано несколько легкопехотных батальонов («фрей батальоны»), предназначенных для поддержки легкой конницы. Значение же создания егерских батальонов Румянцевым в том, что они явились исходным пунктом широкого и систематического развития в русской армии нового типа пехоты. Так, в 1764 году в одной из дивизий русской армии была сформирована небольшая егерская команда, в 1765 году егерские команды были учреждены в полках четырех дивизий, в 1769 году — во всех пехотных полках. В 1777 году егерские команды были выделены из пехотных полков и сведены в отдельные батальоны (это применялось в войсках П. А. Румянцева еще раньше — в ходе русско-турецкой войны 1768—1774 годов), а затем батальоны сведены в четырехбатальонные корпуса. Рядовые егерских частей были вооружены ружьями улучшенного качества, унтер-офицеры — нарезными ружьями. Боевая подготовка егеров специализирована в соответствии с назначением. Это были качественные сдвиги в организации пехоты применительно к новым условиям.

В Западной Европе же легкопехотные формирования после окончания Семилетней войны были преобразованы в обычные линейные части, и рассыпной строй вплоть до победных войск Французской революции не нашел своего места в европейской стратегии, поскольку считалось недопустимым предоставлять солдат в бою самим себе. Предполагалось, что, выйдя из-под надзора начальников, солдаты либо разбегутся, либо залягут, и управление ими окажется невозможным.

В ходе Семилетней войны Румянцеву многое приходилось создавать впервые или заново. Вся его последующая деятельность имеет основанием выработанное в войну 1756—1762 годов. Новые военноадминистративные начала Румянцева впоследствии оформились им в «Мыслях по уставу воинской части» (1777 г.), в различного рода «инструкциях» и «наставлениях», где видно также и данное им направление обучения войск. Общие поло-

жения относительно строя, полевой и сторожевой службы сведены в «Обряд службы» (1770 г.). «Обряд...» был принят во всей армии до конца царствования Екатерины II, в дополнение и изменение строевых уставов 1763 года, принятых Военной комиссией. В этих работах Румянцев внимательно анализирует опыт боевых действий в период войны с Пруссией и делает ряд кардинальных для русской военной мысли того времени выводов. Так, первый крупный бой русской армии с пруссаками (Гросс-Егерсдорф) завершен решительным наступлением и внезапным ударом резерва, под началом Румянцева, через лес, считавшийся непроходимым. С этого боя Румянцев во всех случаях, но всегда сообразно с обстановкой, проводил активные начала военного искусства взамен активно-оборонительных, присущих русской стратегии в предшествующие десятилетия.

Во время проведения зимнего похода 1757—1758 годов Румянцев добивался распределения марша не по шаблонному уставу, а сообразно обстановке. Им применялись широкий фронт и эшелонированный порядок до сферы маршей-маневров, сосредоточение и быстрота движения в пределах Пруссии. Он также предусматривал и строгие меры охранения квартирно-бивачного расположения, опять-таки сообразно с обстоятельствами: сильные дежурные части, правильное распределение очередных смен зимой, приспособление селений и близлежащих окрестностей к бою, внешнее, дальнее охранение легкой конницей. Командуя конным отрядом из 24 эскадронов кавалерии при шести орудиях впереди фронта армии, Румянцев успешно решил одновременно ряд сложных задач по прикрытию армии, сосредоточенной в нижней Висле у Познани, далее — по прикрытию фланга и фронта армии при наступлении от Познани к Франкфурту и по перемене операционной линии армии с познанского театра военных действий на померанский, то есть с левого на правый берег Варты. Далее он со своим отрядом прикрывал квартиры блокадного корпуса под Кольбергом. Здесь им были применены новые основания стратегической службы русской конницы как прямое развитие того же вида боевой деятельности драгун Петра I. Под непосредственным командованием Румянцева всегда оставалась главная часть конницы с приданными ей единорогами — орудиями навес-

ного и картечного огня. Румянцевская конница действовала в одной массе на несколько переходов впереди от основной части армии на важнейших направлениях. Причем учитывалось изменяющееся положение прикрываемой армии, особенности действий противника и характер местности. От главной массы конного резерва Румянцев высылал в сторону неприятеля на несколько переходов вперед (или до первого столкновения) конные разъезды из небольшого количества людей. Румянцев считал, что главный способ действия в бою конницы — сильный удар в конном строю холодным оружием. Он чрезвычайно редко и неохотно прибегал к спешиванию конницы. Главной целью передовых отрядов, считал Румянцев, является разведка положения противника, в бой они должны вступать только в случае крайней необходимости, при которой все передовые партии должны содействовать атакующему отряду. Конный резерв, по мнению Румянцева, надлежало беречь и пускать в дело только в случае чрезвычайной необходимости.

При расположении на зимних квартирах в 1758—1759 годах Румянцев выделялся из начальников дивизий своими резкими рапортами главнокомандующему, в которых он обоснованно критиковал принятое им расположение войск на основаниях кордонной системы, что и привело к напряженным отношениям Румянцева с Фермором. Это явилось одной из причин назначения Румянцева начальником тыла в 1759 году. Но и здесь Румянцев применил ряд нововведений.

При осаде Кольберга Румянцев достигает четкого взаимодействия частей вверенного ему отдельного отряда путем четкой постановки ближайших задач своим подчиненным. В это же время он устроил правильное коммуникационное сообщение с базой и установил строгий порядок реквизиций при участии местных властей.

Румянцев был одним из первых, старавшихся ввести полное единообразие в подчиненных ему частях как в обучении войск, так и в несении полевой и гарнизонной службы. Еще более передовым и совершенно необычным для западных армий было его установление принципа оценки солдата как сознательного защитника Отечества. «Если положение военного человека в го-

сударстве считается сравнительно с другими людьми беспокойным, трудным и опасным,— писал ученик Румянцева граф Воронцов в «Инструкции ротным командирам»,— то в то же время оно отличается от них неоспоримую честью и славой, ибо воин превозмогает труды часто несносные и, не щадя своей жизни, обеспечивает сограждан, защищает их от врагов, обороняет отечество». Эта инструкция, опираясь на «Обряд службы», требовала уважения к рядовым, повышения их чувства собственного достоинства, с тем, чтобы «честь заслуженному полком... каждый солдат на себя переносил». Забота о солдате, его физическом здоровье, бытовом благоустройстве, госпитальном обслуживании выдвигалась как первый долг командира.

После взятия войсками Румянцева Кольберга казалось, что окончательное поражение Пруссии очевидно и весьма близко. Фридрих, сидя в своем полуразрушенном артиллерийском огнем дворце в Бреслау, намеревался передать власть племяннику и отравиться. Как он писал в это время, «Пруссия лежала в агонии, ожидая последнего обряда». Но смерть императрицы Елизаветы смешала все карты. Она умерла 25 декабря 1761 года (5 января 1762 г.), и этот день был, вероятнее всего, счастливейшим днем в жизни Фридриха II. На смену Елизаветы на российский престол сел великий князь Петр-Ульрик, принявший имя Петра III. Не желающий знать об ответственности государя перед страной, им управляемой, и считая свои симпатии и антипатии, свое мнение самыми правильными и наиболее верно отражающими чаяния его подданных, Петр III резко развернул российскую внешнюю политику. С детства являясь почитателем военных и прочих талантов Фридриха II, безмерно гордясь знаками приязни своего венценосного друга, Петр III поспешил заключить мир с прусским королем, вернул ему все завоеванные земли и объявил себя его преданнейшим другом и защитником. Он предложил Фридриху военный союз против его врагов, а в качестве первой совместной акции — войну против Дании. Зачастую забывая, что он император всероссийский, Петр никогда не забывал, что он сын гольштейн-готторпского герцога и что земельные владе-

ния имеются у него и в Германии. Вот именно из-за недоразумений по поводу этого герцогства и объявила Россия — в лице Петра III — войну Дании. На пост командующего, как всегда, было множество кандидатур, но Петр, весьма часто ошибающийся в оценке людей и событий, на этот раз не сплеховал. Дело, затрагивающее его личный интерес, было, по мнению Петра, слишком серьезным, чтобы экспериментировать — командующим был назначен генерал-аншеф Петр Румянцев, приобретший к тому времени большую известность, но лишь как способный военачальник, не обладавший — после недавней смерти отца — сильной рукой при дворе, что служило некоей гарантией неучастия полководца в придворных делах.

Личность Петра III до сих пор не получила однозначной трактовки. Версия официальной историографии дореволюционной России о нем, как об экзальтированном и полусумасшедшем алкоголике, находит все меньше и меньше сторонников. Правда, он не имел необходимых знаний, опыта и подготовки для управления столь обширной державой. Но кто их тогда имел? Судьба, назначившая родиться именно в этой семье, считалось, даровала счастливцу вместе с тем и все необходимые качества, необходимые для последующего царствования. Опыт проб и ошибок над своими подданными, которым шел монарх, всегда был в порядке вещей. Понимание того, что основной задачей государя является невмешательство в дела своего народа, усваивалось с трудом. Кипучая деятельность венценосца, имитирующая заботу о своем пастырском стаде, была более проста и более внешне эффективна.

Петр III был романтиком. Таким же в дальнейшем будет его сын, будущий император Павел I, попытавшийся возродить средневековое рыцарство. Эта черта характера хорошо развивается у всех тех, кто, как эти двое, долгое время находились в непосредственной близости от трона, но были лишены возможности принимать самостоятельные решения и претворять их в жизнь. Желание применить свои силы и невозможность этого развивали мечтательность и склонность к химерам. Древние замечали, что таким людям нельзя давать власть, ибо, перегоревшие за долгие годы томительного ожидания, они, дорвавшись, в своей торопливости начинают совершать ошибку за ошибкой, не принимая ни-

какой критики, закормленные ею в предшествующие годы своей жизни, когда все их проекты поднимались на смех подлинными властителями или их клеветами. И Петр III, и Павел оказались уловленными в масонский орден. Мистико-романтический флер, обволакивающий это общество, оказался как нельзя более кстати в их приниженном положении. По-видимому, нашептывались словеса и о могуществе «каменщиков», готовых всегда оказать поддержку венценосному брату. Петр вступил в масоны в год 1762-й — уже в дни своего царствования. Может быть, свою роль сыграло тут и почитание Фридриха II, который стоял во главе прусского масонства и которому русские масоны подчинялись, исходя из организационного построения тайного общества. В это время он уже мог не бояться, как на это посмотрит его предшественница — Елизавета, в годы правления которой правительственная ревизия деятельности масонов пришла к однозначному выводу, что их действия «безрассудны суть». Петр построил для масонов дом на Сенной площади и начал насаждать масонские ложи в своей резиденции в Ораниенбауме.

Вообще XVIII век был веком расцвета русского масонства. Из-за границы приезжало множество эмигрантов с правом и обязанностью открывать ложи в России (просто по собственному желанию их создать нельзя — нужно непременно разрешение высших начальников. Попытки создать ложи без подобных санкций заканчивались их быстрым крахом). В своих «Записках» в дальнейшем, вспоминая это время, Екатерина II напишет: «Когда Сергей Салтыков возвратился (из Швеции, куда он был направлен после рождения Павла.— Ю. Л.), он прислал через Льва Нарышкина спросить, не найду ли я средств увидеться с ним; я поговорила с Владиславовой, и та согласилась на это свидание. Он должен был придти к ней и от нея ко мне; я ждала его до трех часов утра, но он не пришел; я смертельно мучилась, не зная, что могло помешать ему. На другой день я узнала, что граф Воронцов увез его в Франкмасонскую ложу, и он уверял, что не мог оттуда выбраться, не возбудив подозрений». Салтыков — это возможно подлинный отец будущего Павла I, а Воронцов — канцлер Роман Воронцов, отец двух дочерей, одна из которых будет активной пособницей переворота Екатерины (кня-

гиня Дашкова), а вторая сейчас — галантная подруга Петра III, будущий великий провинциальный мастер масонских лож в России.

Эта запись констатирует положение, сложившееся между супругами уже давно. Еще в конце 1746 года, вскоре после свадьбы, Петр посылал жене такую записочку: «К великой княгине. Милостивая Государыня. Прошу вас не беспокоится нынешнюю ночь спать со мной, потому что поздно уже меня обманывать: постель стала слишком узка — после двух недельной разлуки. Ваш несчастный муж, которого вы никогда не устаиваете этого имени Петр». Екатерина с удовольствием цитирует это послание в своих автобиографических записках. Великая княгиня пока развлекалась, но мысленно уже примеривала — лишь на себя! — императорскую корону.

Взошедши на престол, Петр III повел себя возвышенно-романтически. Он пытался все делать для общего блага, не учитывая единственно, что до многих составных частей этого блага он дошел не своим умом, а был искусно направляем и подталкиваем. Петр был обуян жаждой деятельности, был неутомим, добр и доверчив. С первых же дней правления новый император установил распорядок: день начинался обычно уже в семь часов утра и заканчивался поздно ночью. Он практиковал неожиданные выезды в Сенат, Синод и другие органы высшего управления, на казенные мануфактуры. Эти выезды пугали светских и духовных начальников, давно уже разучившихся работать в полную силу и привыкших во времена Елизаветы Петровны к спокойной и бесконтрольной жизни. Император ввел строгую дисциплину и в гвардии. Он без охраны ходил по Петербургу, вступал в разговоры с солдатами, порой навещал своих бывших слуг. Это производило впечатление, но не укрепляло его политических позиций. Большинство его прекраснодушных проектов остались лишь на бумаге. Один же из немногих — «Манифест о вольности дворянства» — претворился в жизнь. Он способствовал тому, что в российском обществе вместо социального слоя, веками обязанного заниматься той деятельностью, в которой в данное время больше всего нуждалось государство, все более отчетливо вырисовывается паразитический слой, не имеющий никаких обязан-

ностей, а только одни права и, в силу этого, повисающего на обществе тяжким грузом. Большой резонанс в народе получила также и провозглашенная Петром III секуляризация церковно-монастырских владений. С ней связывались и меры по прекращению преследований старообрядцев и закреплению веротерпимости, о чем Петр III мечтал еще в 1750-е годы. Интересно, была ли эта его веротерпимость сродни бироновой? Бирон, как отмечал В. Строев, «у себя в Курляндии... вообще показывал широкую веротерпимость, как человек, затронутый современными ему философскими идеями». Когда же дочь Бирона перешла в православие, то отец пришел в такую ярость, что ей пришлось искать защиты у самой Елизаветы.

Смена же внешнеполитической ориентации Петром III на союз с Пруссией была для России явно антинациональна; в жертву ей были принесены военные усилия и достижения страны, кровь ее солдат за предшествующие годы войны. Это будет одним из главных обвинений Петру III, когда его супруга, свергнув мужа, взойдет на престол и в историю под именем Екатерины II, Екатерины Великой.

В своих «Записках» Екатерина зафиксировала, еще до свадьбы: «Я не могу сказать, чтобы он мне нравился, ни что он мне не нравился; я умела только повиноваться матери, желавшей выдать меня замуж; но, по правде, я думаю, что российская корона мне нравилась больше, чем его особа». И позднее: «Надежда или перспектива не небесного венца, но земной короны, поддерживала мой ум и бодрость... говоря по правде, я ничем не пренебрегала, чтобы достичь цели».

Когда Петра III свергли, то, если верить манифестам Екатерины, вдруг сразу выяснилось, что переворот произошел исключительно из-за того, что Петр «законы в государстве все пренебрег, судебные места и дела презрел, доходы государственные расточать начал не полезными, но вредными государству издержками», что он оскорбил национальное достоинство, рискуя конфисковать вотчины, «коснулся древнее православие в народе искоренять». Екатерина и ее окружение учли все просчеты Петра III, воспользовались всеми его ошибками, присовокупив, конечно, кое-что и не имевшее место в действительности, ибо кто

же, освобождая трон от своего предшественника для себя, не обвинит того во всех смертных грехах? Такого рода перемены лучше всего проводить, обрядившись в тогу правдолюбца и защитника святынь — меньше вроде как-то и неудобно.

Переворот, прошедший легко и просто, был совершен при активнейшем участии пяти братьев Орловых. Одному из них — красавцу Григорию — предстояла честь открыть своей персоной многочисленную плеяду фаворитов, до самой смерти Екатерины II с завидным постоянством сменявших друг друга у подножия ее трона. И до Орлова у Екатерины были увлечения. Тот же Салтыков, позднее посол Речи Посполитой Станислав Понятовский, впоследствии ставший польским королем. Не забывшая его и после своего воцарения Екатерина, в 1763 году в рескрипте, данном русскому послу в Варшаве, в том, в котором она приказывает ему поддерживать кандидатуру Понятовского в выборах на польский трон, говорит, что «он во время своего пребывания в Петербурге оказал своей родине больше услуг, чем кто-либо из министров республики». Но Орлов — совсем иное. С него екатерининский фаворитизм становится неким подобием государственного учреждения. Со своими избранниками Екатерина пыталась — правда, не всегда удачно — делить бремя государственного правления. Ярчайший пример тому — Потемкин. Но он будет позднее. А пока Орлов — бывший герой Цорндорфа, трижды раненный в этом бою — из младших офицеров становится графом, директором инженерного корпуса, шефом кавалергардов, генерал-аншефом артиллерии и генерал-фельдцейхмейстером, президентом Канцелярии Опекунства иностранных колонистов, начальником всех укреплений. И ко всем этим должностям он крайне равнодушен. Его брат — Алексей — гораздо более деятелен. Это он пришел в ночь переворота к Екатерине и сказал ей, что гвардия ждет ее, что пора отправляться в Петербург и объявить себя самодержицей российской. Он был и главным действующим лицом в последующем убийстве свергнутого Петра III. В конце 60-х годов, уже будучи победителем турецкого флота при Чесме, он удостоивается такой характеристики француза Сабатье, жившего в то время в Петербурге: «Граф Алексей Орлов самое важное лицо в России... Он своим по-

явлением затмевает всех. Чернышovy не смеют и головы под-
нять... Екатерина его почитает, любит и боится... В нем можно
видеть властителя России».

Орловы после воцарения Екатерины стали одними из самых
богатых людей в России. Из этих средств они подкармливали
гвардию, помнящую о своей роли в перевороте, которая и так
любила их за молодечество. Они стали реальной политической
силой, не считаться с которой было нельзя. Князь Михаил Щер-
батов, написавший в эти годы книгу-памфлет «О повреждении
нравов в России», где он дает очень не лестные характеристики
многим венценосным особам и особам, их окружающим, для
Григория Орлова делает одно из немногих исключений: «Сей,
вошедши на высшую степень, до какой подданный может до-
стигнуть, среди кулашных боев, борьбы, игры в карты, охоты
и других шумных забав, почерпнул и утвердил в сердце своем
некоторые полезные для государства правила, равно как и бра-
тья его. Оные состояли никому не мстить, отгонять лстецов,
оставить каждому человеку и месту непрерывное исполнение их
должностей, не лстить государю, выискивать людей достойных
и не производить как токмо по заслугам, и наконец отбегать от
роскоши, которая правила сей Григорий Григорьевич (Орлов),
после бывший графом и наконец князем, до смерти своей сохра-
нял. Находя, что карточная азартная игра может других при-
вести в разорение, играть в нее перестал; хотя его явные были
неприятели Графы Никита и Петр Ивановичи Панины, никогда
ни малейшего им зла не сделал; а напротив того в многих слу-
чаях им делал благодеяния и защищал их от гневу Государыни».
Панин Никита — долгие годы бывший при Екатерине как бы пер-
вым министром и руководивший в течение ряда лет российской
внешней политикой — действительно сильно навредил и Григо-
рию, и всем Орловым в целом.

Вскоре после того как Екатерина взшла на престол, она
намеревалась выйти замуж за Григория. Несмотря на наличие
множества недовольных подобной перспективой, никто особенно
явно не возражал, памятуя, что власть любит и приемлет только
те советы, которые отвечают ее собственным чаяниям. Лишь
Панин произнес фразу, поставившую крест на этом плане: «Им-

ператрица может поступать, как ей угодно, но госпожа Орлова никогда не будет императрицей российской». За подобную смелость Панин не поплатился, — что, как подсказывает нам история, весьма вероятно — может быть, потому, что угадал тайное желание Екатерины, уже решившей для себя к этому времени не эпатировать подобной выходкой общественного мнения и помня о еще некоей зыбкости своего положения. Поэтому отношения с Орловым, о котором Дидро отзывался как о «котле, который вечно кипит, но ничего не варит», и дальше пошли уже по привычной колее.

Чтобы царствовать, Екатерина приучила себя от многого отказываться. Ведь власть — самое сладкое, чего суждено добиться человеку в этом мире. Она, став императрицей, по отзывам и воспоминаниям современников, никогда не выражала желания встретиться со своим братом, оставшимся в Германии и живущим там без особого блеска, и не позволяла ему навестить ее. На это у нее были вполне определенные политические причины. Она находила, что в России и без того слишком много немцев, считая и себя в их числе.

Пришедшая к власти в результате фактического военного переворота, Екатерина хорошо понимала реальную силу войска, находившегося в подобный нестабильный период в руках решительного человека, каким был Румянцев. К тому же он не поспешил с актом политической лояльности и недопустимо долго, по мнению законопослушных и быстро мимикрирующих подданных, да и самой императрицы, не присягал новой государыне, несколько сомнительно еще и рассуждая о законности прав венценосцев. И поэтому одним из первых и логичных повелений новой самодержицы стал приказ об отстранении Румянцева от командования войсками, идущими на Данию, и передачи власти над армией брату Никиты Панина — Петру. Одновременно с этим Екатерина вообще приостановила этот поход, расторгла союз с Пруссией, но войны с ней не возобновила. В конце 1762-го и начале 1763 годов были заключены мирные договоры между другими европейскими государствами. Семилетняя война окончилась.

Войны пришлось отложить. Надо было разобраться с тем, что

уже навоевали. Когда Россия еще только вступала в Семилетнюю войну, она договором от 22 января 1757 года, заключенным с Австрией, обязалась содержать — так же как и ее союзница — 80-тысячное войско в продолжение всей войны с Фридрихом, и кроме этого, Россия должна была действовать флотом в 15 или 20 линейных кораблей и 40 галер, по меньшей мере. Теперь же, проведя смотр этому, к счастью, практически не потребовавшемуся в битвах, флоту, Екатерина с отчаянием пишет своему первому министру Н. И. Панину: «Наше путешествие было так счастливо, что мы на следующее утро после отъезда из Петербурга уже были в виду флота. Передайте это моему адмиралу вместе с уверением в моей благосклонности. А вот что сохраните про себя, и что вам доставит не меньшее неудовольствие, чем мне: у нас в излишестве и кораблей, и людей; но у нас нет ни флота, ни моряков. В ту минуту, как я подняла штандарт, и корабли стали проходить мимо, салютуя, два из них погибли было по оплошности капитанов: один попал кормою в оснастку другого, и это, может быть, всего лишь в ста туазах от моей яхты. Добрый час они возились, чтобы высвободить свои борта, что, наконец, им и удалось к великому ущербу их мачт и оснастки. Потом адмиралу хотелось, чтоб они держали линию, но ни один корабль не мог этого исполнить, хотя погода была превосходная. Наконец, в пять часов, после обеда приблизились к берегу для бомбардировки так называемого города. Впереди поместили одну бомбардирскую лодку, и когда хотели поставить около нас другую, то с трудом успели такую найти, потому, что никто не держал в линию. До 9 часов стреляли бомбами и ядрами, которые не попадали в цель, так что, наконец, будучи утомленной и чувствуя, что у меня барабанныя перепонка болит от этого гама столь же бесполезного, как и смешного, я попросила адмирала перейти ко мне на борт, где я простилась с ним, прося его не упорствовать более в желании сжечь остатки этого города, потому что имели предосторожность, прежде чем начать обстреливание, привязать в различных местах пороховые нити, которые сделали свое дело лучше, чем ядра и бомбы. Вот все, что мы видели из этого жалкого плаванья. Сам адмирал был очень огорчен... Надо сознаться, что все корабли походили на флотилию,

выходящую каждый год из Голландии для ловли сельдей, а не на военный флот».

Приказ Екатерины о приостановлении боевых действий против Дании и сдаче командования Панину застали Румянцева на марше. Человек прямой, он не задержался с ответом. 20 июля из Данцига он направил Екатерине прошение об отставке с позволением жить в деревне или ехать для поправки здоровья к целебным водам, что и было ему разрешено монаршим письмом от 5 августа. Он поселился в небольшом городке и чего-то ждал. И, действительно, он оказался прав. Между ним и императрицей завязалась переписка, суть которой сводилась к приглашению его вновь на службу и его колебаниям по этому поводу. Наконец 13 января уже нового, 1763 года, приходит очередное письменное приглашение Екатерины к службе, и сомнениям Румянцева настал конец. 31 января он письменно подтверждает свое согласие вернуться в Россию и еще в свое отсутствие получает Эстляндскую дивизию по письму Екатерины от 3 марта.

К этому времени первая волна эмоций, вызванная блистательной переменой судьбы, у императрицы уже прошла. Она стала более разумно и холодно оценивать своих подданных, принимая теперь во внимание не только тщательно выражаемую радость по случаю ее воцарения, но и — что у властителей получается хуже и реже — дарования человека, его способность принести реальную пользу государству в целом. Она оценила таланты Румянцева, чем и объясняется ее живая заинтересованность иметь его среди своих военачальников. Он был одним из немногих знающих полководцев, за которым шла слава победителя. Он был храбр, хладнокровен, настойчив, справедлив, умел быстро воспользоваться ошибками неприятеля на поле боя. Румянецв был прост в обращении, доверял солдатам и был любим ими. Вскоре после его прибытия в Россию, когда Екатерина получше узнала его, он неожиданно для многих назначается ею президентом малороссийской коллегии. Помимо всего прочего, эта должность предполагала охрану границ России при взрывоопасном соседстве турок. Общепризнанная слава полководца, как верно решила Екатерина, в этом случае ее наместнику на Украине не мешает.

В этом случае произошел исторический курьез. В свое время отец Петра Румянцева был назначен на ту же должность президента малороссийской коллегии с заданием воспрепятствовать сепаратистским устремлениям казачьей старшины. При Елизавете гетманство, упраздненное было в предшествующие годы, вновь возродилось специально для Кирилла Разумовского, брата долговременного фаворита Елизаветы — Алексея Разумовского. Постепенно свыкнувшись со своим гетманством, Кирилл захотел его сделать наследственным и в 1764 году попросил об этом Екатерину II. Ему объяснили, что Переяславская Рада была не для того, чтобы он теперь опять выступал за отделение Украины от России, к чему объективно и вела его просьба. Разумовский, испугавшись за свое положение самого богатого человека в России, после подобных умозаключений монарха поспешил подать в отставку со своего гетманства. Екатерина воспользовалась этим для окончательного уничтожения гетманства и замены его коллегией. Назначенному президентом коллегии Румянцеву предстояло заняться решением задач, сходных с отцовскими. Екатерина советовала для этого запастись «волчьими зубами и лисьим хвостом».

Вскоре после получения энергичных предписаний он выехал из Петербурга к месту новой своей службы. В этой должности Румянцева останется до конца своей жизни, несмотря на множество других, время от времени получаемых им.

Закончился один из периодов его жизни. Покачиваясь в коляске, он ехал навстречу новым делам и заботам. Ехал умудренным жизнью и книгами человеком, ехал с уверенностью, что все необходимое им будет выполнено. Герой войны Семилетней, он ехал навстречу еще большей славе. Именно еще предстоящие ему деяния позволят в самом начале следующего, XIX века, уже через 15 лет после его смерти, сказать его современникам: «Всякому приятно знать деяния великих людей, а тем более своих соотечественников. Примеры образуют великих... Русские могут славиться многими своими соотечественниками; в их летописях видны бесчисленные примеры разительных доблестей и каждое почти царствование являет мужей истинно великих, мужей, которые в высокой степени блистают свойствами, искони отли-

чавшими народ сей. Граф Румянцев был одним из первых участников блеска своего века».

III. ГРОЗА ОСМАН

Малороссийская коллегия была учреждена в составе девяти человек. Румянцев — ее президент и генерал-губернатор Малороссии — «как поверенный Государя в отсутственном месте». Одновременно он назначен главнокомандующим всеми военными силами Украины.

Обязанности его были многочисленны и практически безграничны. На него возлагалось верховное управление всей областью. Он был обязан по своей должности производить «строгое и точное взыскание во всех подчиненных ему месте людей в той Губернии находящихся о исполнении законов и определенного их звания и должностей; почему и долженствует вступаться за всякого, кого по делам волочат, и принуждать судебные места той губернии решить такое-то дело, но отнюдь не мешаться в производстве онаго; ибо он только хозяин своей губернии, а не судья. Если б в судебном месте определено было, что не справедливо, то главнокомандующий может остановить исполнение, и доносить Сенату, а о времени не терпящих делах» даже самой императрице. Кроме этого Румянцеву вменялось в обязанность «пещись о сохранении порядка безотяготительного, и иметь в полном своем распоряжении градскую и сельскую полицию. Чего ради он чинит пресечение всякого рода злоупотребления, а наипаче роскошь безмерную и разорительную, обуздывает излишества, безпутства, мотовство, тиранство и жестокости предупреждает могущий быть недостаток в нужных для жизни припасах».

На Румянцева как президента коллегии, генерал-губернатора и главнокомандующего возлагалась обязанность производить точно и своевременно всевозможные сборы с населения, особое внимание обращая на набор рекрутов. На случай могущих последовать волнений, эпидемии, наводнения или пожара ему подчинялись военные командиры частей, бывших на этой территории, не считая воинских частей в гарнизонах и крепостях, бывших в его непосредственной юрисдикции.

Поскольку Малороссия лежала на южных границах государства, Румянцеву предписывалось проявлять «бдение и предосторожности от соседей».

Эти «бдения» забирали у него много сил, времени и забот. Он постоянно считал одной из важнейших своих забот оборону границ Малороссии. Если учесть, что в те годы, пока он был губернатором этих мест, произошли две крупнейших русско-турецких войны столетия, то с его мнением трудно не согласиться.

Еще в годы Семилетней войны, столкнувшись в лице Фермора с рьяным поклонником кордонной системы, Румянцев пришел к выводу, что оборона границ государства по соседству с активным противником должна строиться на иных принципах. Применительно же к Украине, он считал, что оборона должна быть основана не на системе укрепленных линий (так называемая Украинская линия) и — как это было прежде — растянутых за ними в тонкую, всегда готовую прерваться линию местных войск. Оборона ни в коем случае, считал Румянцев, не должна опираться на одну крепость, которой располагали в то время русские — крепость св. Елизаветы на правом берегу Днепра, а только на соответственное использование естественных преград, на сильные сооружения на оборонительных линиях в строгом соответствии с местными особенностями, на армию, расположенную на пограничной полосе сообразно вероятнейшему образу действий в случае войны с соседней державой, и наконец, на строгом порядке в устройстве пограничных поселений.

Ознакомившись с границами южно-русского края, Румянцев в своих «Примечаниях военных и политических» (1765 г.) находил, что южные границы России не отвечают ни одному из этих условий. Пестрое население приграничной полосы только усложняет дело обороны. В этом документе он советовал до более благоприятных времен запретить создание поселений в степи. Как итог анализа положения дел на границе можно считать мысль Румянцева о том, что при существующем положении дел оборона границ практически невозможна. Он высказался за наступательное решение этого вопроса, все остальное считая полумерами.

Одним из самых важных дел, предпринятых им в первые

годы деятельности на Украине, было проведение так называемой «румянцевской описи». Это было нечто вроде переписи населения, с его движимым и недвижимым имуществом, произведенной в Малороссии по распоряжению П. А. Румянцева на основании инструкций, полученных им от Екатерины II при назначении его на должность малороссийского генерал-губернатора.

Весной 1765 г., приехав на Украину, Румянцев целое лето провел в разъездах, знакомясь с ней. После этого в сентябре он предложил малороссийской коллегии произвести генеральную опись края. При этом имелось в виду, главным образом, разграничить казаков от крестьян и определить их имущественное положение и состояние на основе юридических данных.

Будучи человеком военным, привычным к дисциплине и привыкшим отдавать приказы, Румянцев и дело переписи поставил на четкий военный лад. Он назначил ревизорами, проводящими перепись, штаб-, обер- и унтер-офицеров. Им придавались писаря и рядовые. Ревизорам вручались инструкции — одна общего содержания и четыре частные: для описи городов; казачьих имений; частновладельческих вотчин и, наконец, для описи кормных, урядовых и монастырских владений.

Согласно инструкциям румянцевские ревизоры действовали решительно и настойчиво — они выгоняли народ из изб, строили его шеренгами и начинали делать перепись. Так же поступали они и при переписи скота. Описывалось положение поселений по урочищам, перечислялись общественные здания, указывалось число дворов и бездворных хат с числом в них жителей, здоровых и больных, и с указанием их болезней и увечий. Регистрировались промыслы и ремесла жителей, земли, их доходность.

В опись входило также перечисление чиновников, сведения о содержании полиции, о безопасности поселения в пожарном отношении, о призрении нищих.

Словом, власть хотела знать все. В будущем фискальная система должна была действовать без осечки, забирая в казну не наугад, а в строгом соответствии с зафиксированным. Эта перепись во многом ухудшила положение местного населения, многих записав в крестьянское сословие, что сопровождалось резким увеличением налогов. Однако перепись была в то время

для Украины актом назревшим — конечно, с точки зрения центральной власти, — поскольку последние годы Малороссии, несмотря на все свои богатства, приносила российской казне вместо прибыли ежегодно по несколько миллионов убытка.

В это же время Румянцев прилагал усилия для исправления запорожского корпуса, занимался восстанавлением в Малороссии водной коммуникации. 28 августа 1766 года утверждено его представление о построении в Беловежье Екатеринослава.

Война с турками остановила — внезапно, вдруг — его кипучую административную деятельность.

В 1763 году окончилась Семилетняя война. А уже через пять лет Россия начинает новый этап активной внешней политики, связанной с присоединением причерноморских территорий. Движение в этом направлении неизбежно приводило к военному столкновению с Турцией. За четверть века одна за другой следуют две войны России с Османской Портой: в 1768—1774 и 1787—1791 годах. В ходе этих войн Россией решалась важная национальная задача — осуществлялось присоединение земель, входивших в состав древнерусского государства. Данная направленность войн с Турцией создавала возможность принятия армией, и прежде всего рядовым ее составом, моральных установок на реализацию этих целей.

Наряду с этим в войнах отчетливо просматривается и общеевропейский аспект. В это время Османская империя представляла собой обширное многонациональное образование, в составе которого находилось значительное славянское население. Славяне в пределах Турции подвергались угнетению и насильственной ассимиляции. Славянские народы Балкан видели в России своего естественного — в силу этнической общности, единой веры и многовековых культурно-политических связей — и единственного защитника и покровителя. Мотивы объединения славянства под главенством России неоднократно на протяжении веков выдвигались малыми славянскими народами, но в силу политических сложностей всегда встречали несколько прохладное отношение со стороны русского правительства, хотя, учитывая традиционную тягу русского общества к этим народам, оно всегда выступало на международной арене посильным гарантом их прав.

Ослабление в XVIII веке Османской империи, прежде всего в результате столкновений с Россией, способствовало усилению славянского и вообще христианского (греки, сербы, черногорцы, молдаване, валахи) освободительного движения.

В это время Турция — феодальное государство со слабым уровнем капиталистического развития — постепенно попадала во все большую зависимость от Англии и Франции. И эти страны, и Австрия с Пруссией стремились использовать Турцию против России, не желая и страшась усиления последней.

Осенью 1768 года, побуждаемый Австрией, а главным образом Францией, турецкий султан предъявил русскому послу в Стамбуле Обрескову ультиматум о немедленном выводе русских войск из Подолии. Отказ России выполнить это требование был сочтен турецким правительством достаточным поводом для объявления войны. Однако поскольку ни та, ни другая сторона практически еще не были готовы к вооруженной борьбе, военные действия фактически развернулись только в следующем, 1769 году.

Основу турецкой армии, ее ядро, наиболее организованное и обученное, составляли постоянные правительственные войска, состоявшие из корпуса янычар, конницы и артиллерии. Янычары представляли собой пехоту, сравнимую с русскими стрельцами. В прошлом они отличались высокой боеспособностью, а к середине XVIII века уже в значительной мере утратили прежний боевой дух. Этому во многом способствовали значительные привилегии, предоставляемые им султанским правительством. Занятия торговлей и ремеслами способствовали перерождению личного состава корпуса. Отборная же их часть — воины столичного гарнизона — представляла из себя нечто вроде преторианской гвардии римских императоров, играя решающую роль в дворцовых переворотах.

Феодальное конное ополчение формально представляло собой крупную военную силу в составе турецких войск, но фактически к этому времени численность ополчения настолько снизилась, что оно почти утратило свое значение. Наибольшую часть турецкого войска представляли провинциальные ополчения, собиравшиеся из жителей только на время войны и практически

мало чему обученные. Гарнизон крепостей и укрепленных городов частично состоял также из вооруженных местных жителей.

В XVIII веке вооружение турецкой армии отставало от вооружения европейских армий. Ружья пехотинцев отличались значительной длиной ствола и большим весом, медленностью заряжания и необходимостью применения подсошек. Штыков ружья не имели. Холодным оружием для пехоты были сабли и кинжал. Конница в основном сражалась холодным оружием, хотя и имела огнестрельное. Артиллерия была на низком уровне: полевые орудия отличались большим весом, многие не имели колесных лафетов, то есть были практически лишены возможности маневра на поле боя.

На этом фоне военные силы России выгодно отличались. Русская армия делилась на дивизии и авангардные корпуса, хотя ни те, ни другие еще не имели определенного состава. Пехотные корпуса и дивизии разделялись на бригады, и сверх того к ним придавалась полковая и полевая артиллерия, а иногда и кавалерия. Пехотные бригады состояли из двух полков, либо из нескольких гренадерских батальонов.

Пехотные полки, как гренадерские, так и мушкетерские, состояли каждый из двух батальонов; гренадерские батальоны состояли из четырех гренадерских рот, а мушкетерские — из одной гренадерской и трех мушкетерских.

Пехота строилась в четыре шеренги, из которых, при пальбе, первые две становились на колени. При построении карефасы его составлялись из развернутого фронта. Колонны употреблялись исключительно для походных движений.

Мушкетеры были вооружены ружьями со штыками и шпагами, а гренадеры, кроме того, носили в особых сумках по две гранаты. Иногда часть пехоты вооружалась пиками, и для этого полагалось иметь в полку по 216 пикинерских копий. Кроме того, при каждом полку возилось по три с половиной тысячи рогаточных копий, из которых составлялись рогатки посредством петель и смычных крючьев. Несмотря на то, что Россия в кампанию 1770 года отменила употребление рогаток, русские войска продолжали возить их за собой и отказались от них только к войне 1787 года.

Кавалерия разделена была на бригады, заключавшие в себе по два полка. Кирасирские и карабинерские полки состояли из 8 рот, или 4 эскадронов, кроме одного запасного, а гусарские — из 16 рот, или 8 эскадронов, кроме двух запасных. Кавалерия строилась в три шеренги, а спешившись, перестраивалась в две шеренги. Кирасиры вооружены были палашами, имели по два пистолета и носили железные кирасы. Вооружение карабинера состояло из палаша, карабина со штыком и двух пистолетов, а гусара — из сабли, карабина и пистолетов.

Артиллерия разделялась на полевую и полковую. Полковая составляла роты по 10—12 орудий в каждой. Полевая придавалась пехотным полкам (по четыре трехфунтовых орудия каждому).

Для действия против турок составлялись каре из пехоты с артиллерией. Полковые орудия становились по флангам батальонов, а полевые соединялись в батареи, на углах и на середине длинных фасов каре. Небольшая часть пехоты помещалась внутри каре, вблизи той части войск, которой должна была служить резервом. Стрельба производилась шеренгами и плутонгами (взводами). Переноска рогаток производилась при передвижениях войск в бою шестью человеками в каждом плутонге. Кавалерия располагалась в интервалах между каре.

К началу боевых действий 1769 года Россия сосредоточила на главном — Днестровско-Бугском — театре военных действий две армии: Первую в районе Киева и Вторую на Днестре, ниже Кременчуга. В Петербурге для руководства ведением войны был создан Военный совет при высочайшем дворе. Военный совет имел своим прообразом Конференцию времен Семилетней войны, хотя теперь командующие армиями пользовались большей самостоятельностью.

Военный совет разработал план кампании 1769 года, в котором основное внимание уделялось возможным активным действиям со стороны противника и способам их парирования. Первая армия («наступательная») при благоприятных условиях должна была действовать в направлении на Хотин и овладеть

этой крепостью, Вторая армия — обеспечивать действия Первой и прикрывать юго-западный участок границы России. Командующим Первой армией был назначен генерал-аншеф А. М. Голицын, командующим Второй — П. А. Румянцев.

Почему же Румянцев, наиболее выдвинувшийся за время предшествующей войны генерал, поначалу так обласканный Екатериной II, получил сейчас под свою команду вспомогательную — по задачам — армию? Причина, по всей видимости, в том, что императрица к этому времени уже в значительной мере утратила, несмотря на весь свой природный ум, объективность. Ежедневно воскуряемый фимиам кому угодно вскружит голову. А Румянцев был человеком независимым, не привыкшим подлаживаться под капризы лиц власть предержащих. Да и к тому же он был далеко от трона, то есть был лишен возможности — при наличии желания — совершать ритуал ежедневного мелькания перед глазами монарха для засвидетельствования своего почтения и безграничной преданности и участвовать в дележе милостей, падавших с царственного стола.

Как и всегда, подготовка к войне происходила больше на бумаге. Русский посланник в Лондоне граф С. Воронцов позднее писал: «Армия была сокращена, не укомплектована и рассеяна по всей империи. Приходилось заставлять ее переходить турецкую границу посреди лютой зимы и посылать пушки, мортиры, снаряды и бомбы почтою из петербургского арсенала в Киев».

Фактический ход боевых действий в 1769 году свелся к борьбе за Хотин. России всегда везло на солдат, но очень редко — на полководцев. Вот и теперь — командующий Первой армией действовал крайне вяло, нерешительно, с неоправданной чрезмерной осторожностью. Голицын дважды переправлялся через Днестр и возвращался на левый берег. Когда русская армия в третий раз приблизилась к Хотину, турки не стали дожидаться их переправы, а сами перешли Днестр и 29 августа (9 сентября) атаковали Голицына. Русский командующий держался чисто оборонительной тактики: русские отбили все атаки и принудили турок к отходу под стены Хотина, но сами их не преследовали. Победа, таким образом, осталась неиспользованной.

Безрезультатной могла бы быть и вся кампания целиком, если бы турки не попали в критическое положение, не сумев наладить доставку продовольствия из своих магазинов. Лишь из-за этого они были вынуждены оставить Хотин, отвести полевые войска и гарнизон крепости к Дунаю и даже очистить Молдавию и часть Валахии.

Параллельно с подобным ведением боевых действий было решено провести уже на море одну значительную операцию, основной задачей которой была высадка десанта на Мореysком полуострове, с тем чтобы побудить греков к восстанию и поддержать их силами десанта. Это должно было отвлечь военные силы турок от русского театра военных действий и способствовать ослаблению Османской империи. 19 января 1769 года Екатерина II велела отпечатать воззвание на славянском и греческом языках с призывом к восстанию. Подполковник Каразин, родом болгарин, служивший в русской армии, переодевшись нищим, понес воззвание по землям Порты, пряча его в посохе и корешке псалтыри. Кроме него это воззвание до жителей Балкан и средиземноморского Архипелага было поручено донести А. Г. Орлову, находившемуся в Италии. Другая задача экспедиции состояла в нарушении морских коммуникаций, связывающих европейские и ближневосточные владения Порты.

Для решения этих задач из Балтийского моря в Средиземное были направлены значительные силы Балтийского флота: две эскадры (адмирала Г. А. Спиридова, вышедшая в июле 1769 года, и контр-адмирала Эльфинстона, вышедшая в октябре) — в общей сложности 10 линейных кораблей, 3 фрегата, транспорты, малые корабли, на борту которых находились десантные войска. В последующие годы в Средиземное море были отправлены еще три эскадры.

Кампания 1769 года для сухопутных армий ознаменовалась сменой командующих. Неспособность Голицына к командованию была вопиюще очевидна. Он был отозван в Петербург. Командующим Первой армией был назначен Румянцев. Командующим Второй армией стал П. И. Панин.

Румянцев прибыл к войскам Первой армии в сентябре. Уже по его приказу главные силы армии были отведены на зимние

квартиры к северу от Хотина. Передовой корпус, выдвинутый еще ранее в Дунайские княжества, был им там оставлен. За зиму и весну командующий провел большую работу по подготовке войск к новой кампании.

Петербургский Военный совет в плане кампании 1770 года вновь выдвигал в качестве ее главной задачи овладение стратегическим объектом — крепостью Бендеры в нижнем течении Днестра. Решение этой задачи возлагалось на Вторую армию. Первой армии предписывалось своими силами прикрывать армию Панина. Румянцев, не имея возможности полностью отказаться от выполнения плана, разработанного ближайшим окружением Екатерины, внес все же в него поправку, менявшую направление действий. Задачу пассивной обороны он заменил активными действиями и выступил с предложением о наступлении между Прутом и Серетом, с целью воспрепятствовать переходу турок на левый берег Дуная. Этим не только облегчалась осада Бендер, но и освобождалась часть сил его армии для активных операций на Дунае.

План Румянцева оказался возможным благодаря тому, что Военный совет на этот раз не зафиксировал четко способ действий Первой армии. Директива совета (рескрипт Екатерины II) от 10 (21) декабря 1769 года гласила: «...оставляем вам самим делать и предпринимать... все то, что вы собственным благоразумием за нужно и полезно находить будете к верному и совершенному содержанию наших главных намерений, то есть сохранения княжества Молдавского... и прикрытия осады Бендерской». Так что командующий Первой армией целиком и полностью следовал букве распоряжений, правда, полностью изменив его дух.

Румянцев начал кампанию 1770 года с того, что оттянул передовой корпус на соединение с главными силами. Он намеревался действовать прежде всего против живой силы противника и поэтому считал сосредоточение своей армии необходимым, даже в ущерб территориальным потерям, что, как он знал, вызовет неудовольствие в Петербурге.

Главные силы турецкой армии под командованием великого визиря к весне 1770 года постепенно сосредоточивались на правом берегу Дуная у Исакчи, где ими велись работы по наведе-

нию моста, затрудняемые подъемом воды. Отдельные группы турецких войск действовали на левом берегу Дуная. Значительные силы турецкой конницы намеревались — как стало известно русскому командованию — нанести удар в направлении на Яссы. В этой ситуации Румянцев и пошел навстречу противнику. Своим движением, как писал он 20 апреля (1 мая) П. И. Панину, он имел в виду «прямое намерение наступательного действия, вложить в неприятеля больше страха, нежели суть мои силы». 25 апреля главные силы Первой армии выступили из лагеря под Хотинем и двинулись на юг вдоль левого берега Прута. После соединения с передовым корпусом у Румянцева было около 40 тысяч человек, включая нестроевых.

Великий визирь, зная малочисленность русских и обширность квартирного расположения, предполагал разбить их поодиночке, не допуская до соединения. Для этой цели он назначил три корпуса (60 тысяч) татар, которые должны были исполнить это. Сам же визирь с передовыми силами спешил подкрепить передовое войско. Именно поэтому Румянцев решил не дожидаться объединенного удара всей турецкой армии, а бить ее частями. В его план вмешивалась весенняя распутица: проливные дожди приносили непредвиденные задержки, степи превратились в море грязи, ручьи — в почти полноводные реки. Люди и лошади тонули. Румянцев приказал бросать обозы и парки.

На марше армия составляла несколько походных колонн, соответствовавших частям будущего боевого порядка. В этом же порядке войска бивакировали перед сражением. Это облегчало построение к бою. Оно выполнялось дивизиями заблаговременно под покровом темноты до начала сражения.

Татарская конница, подкрепленная передовыми корпусами турок, при приближении Румянцева перешла к обороне в укрепленном лагере при урочище Рябая Могила на левом берегу Прута.

Командующий русской армией строил свой успех на расчете, что противник не подозревал о незначительности войск Румянцева. Кроме того, были предприняты тщательные меры к прикрытию операционной линии.

Несмотря на разведку, русские войска не знали точного

расположения татарской конницы. Чтобы не позволить противнику ускользнуть и в то же время облегчить возможность быстрого движения воинских масс, Румянцев разделил свою армию на три группы, дав каждой особый маршрут и точно определив точку соединения. Четко налаженная связь позволяла в случае необходимости быстро сосредоточить силы.

На пути к Рябой Могиле разъезды авангардного корпуса князя Репнина наткнулись на конницу неприятеля, ринувшуюся в атаку. Репнин отразил натиск при помощи подоспевшего корпуса генерала Баура. Вслед за ним подошли и главные силы Румянцева. 11 июня вся армия сосредоточилась. Это был первый в русской армии пример наступления частями и сосредоточение их перед боем.

Рекогносцировки заняли четыре дня. 15 июня до 10 тысяч татарской конницы внезапно атаковали Репнина и Баура. Сражение длилось около шести часов и закончилось бегством противника, разгромленного артиллерийским огнем и натиском пехоты.

Противник отошел к своим главным силам, занимавшим лагерь, расположенный «на превысокой и утесистой горе, лежащей при реке Пруте, ниже Рябой Могилы, и окруженной обширным ретраншаментом с сорокью четырьмя пушками», как отмечал «Журнал о военных действиях» армии Румянцева.

Румянцев наметил нанести противнику главный удар с севера, направив туда главные силы и авангард Баура (до 23 тысяч человек). Правый фланг с северо-востока должен был атаковать Репнин (до 8 тысяч). Отряд Потемкина (около 4 тысяч) направлялся на запад — противнику в тыл.

О дальнейших событиях генерал-аншеф Румянцев писал в реляции Екатерине II: «В следующий день, то есть 16-го июня, перешел с армиею вперед 9 верст и стал лагерем в виду неприятеля, постановив на завтра атаковать оного, для чего и велел пред армиею маршировать с своим корпусом генералу-порутчику князю Репнину и занять пред высотами одно место, которое закрывало его от глаз неприятельных, а генералу-квартирмейстру Боуру стоять неподвижно тот день в своем лагере.

Неприятель, увидев движение армии и лагерь, спустился

кучами с своего лагеря на низшую гору и во весь день примечания свои на нас обращал издали.

По учиненному расположению к атаке в наступившую ночь, пошел я с армиею в правую сторону занять высоты и подал сигнал на рассвете тремя ракетами генерал-квартирмейстеру Боуру, что я уже обнял оные, почему он с своим корпусом, который сверх прежнего числа на настоящий случай подкрепил я еще двумя батальонами пехоты, долженствовал идти вперед и занять дефилеи, на которых неприятельские пикеты поставлены были, и всходить потом прямо к турецкому ретраншаменту. А в это время генералу-поручику князю Репнину своим корпусом атаковать неприятеля в правое его крыло, а генералу-майору и кавалеру Потемкину, накануне того приготовившему себя к переправе через Прут, перешед сию реку, своим detaшментом ударить неприятелю в тыл. По усмотрению сигнала тотчас пошел генерал-квартирмейстер Боур на высоту с своим корпусом и лишь только приказал сделать батарею впереди из пушек и единорогов для прикрытия войск, туда всходивших, то неприятель и стал отступать и мешаться в своем лагере, делая виды движения то на армию, подвигающуюся вперед в помощь действиям атакующих корпусов, то на корпус князя Репнина, заходящий ему в тыл. Напоследок, ужаснувшись со всех сторон веденных на него движений, сорвал свой лагерь и обратился в бег, и хотя генерал-квартирмейстер Боур с великой поспешностию взшел на гору к ретраншаменту с двумя гранодерскими ротами графа Воронцова, но ничего не в состоянии был предпринять с таким числом, хотя задние неприятельского корпуса еще переходили дефилею, однакож с прикрытием великим, принуждая часто к ретираде на них тогда посланные наши легкие войска, а всему корпусу его взойти на весьма утесистую гору требовалось времени при всей охоте и усердии, с коими напрягали войска к тому все свои силы. Я, увидев наглую ретираду неприятеля, обратил на него тотчас от армии всю тяжелую кавалерию под предводительством генерал-поручика и кавалера графа Салтыкова. А между тем генерал-поручик князь Репнин, познавая, что ни положение места весьма гористого, ни легкость неприятеля, ретирующегося, не дозволяли ему охватить его своею пехотою, приказал генерал-

майорам графу и кавалеру Подгоричани и Текелли его атаковать и преследовать, кои с полками гусарскими: Сербским, Ахтырским и Харьковским — не замедлившись то и учинили. При первой атаке помянутый генерал-порутчик сам был свидетелем, коль храбро опрокинули неприятеля наши гусары и за ним шли вдогонку, а в подкрепление туда же скакал со всею кавалериею генерал-порутчик граф Салтыков. Неприятеля скорую ретираду увидев из-за Прута, генерал-майор и кавалер Потемкин поспешил переправить своих егерей и легкие войска, с которыми он шел к оному на поиск. Его узрев в небольшом числе и близко себя, неприятель отделил своей конницы до 2000 и атаковал с великим устремлением сей деташамент, однакож подполковник и ордена святого Георгия кавалер Фабрициан, установя при егерях батарею, производимую из пушек стрельбою, не только обратил назад неприятеля, но и подкрепил тем гусар корпуса князя Репнина. При чем отбито у неприятеля войсками помянутого генерал-майора Потемкина одно знамя».

Отступление татаро-турецкого войска превратилось в бегство. Румянцев выслал для преследования всю тяжелую кавалерию, которая и гнала противника более двадцати верст. Преимущества, которые давали противнику его лошади, привычные к скачке по гористой местности, спасли его от поголовного истребления, так как тяжелая русская кавалерия не могла настигнуть бегущих и постепенно отставала.

Знаменательно соотношение потерь: в сражении у лагеря противник потерял более 500 человек убитыми, русские же — 17 убитых и 37 раненых. Пленные показали, что в бежавшей армии «почиталось турецкой пехоты 11 тысяч и конницы 11 тысяч же да татар 50 тысяч». С этими силами татарский хан намеревался уничтожить корпус Репнина до подхода основных сил Румянцева, появление которого явилось для хана фатальной неожиданностью. «Ужаснувшись окружающих их со всех сторон войск», численность которых они предполагали не менее 150 тысяч, татары и турки не смогли оказать русским сопротивление, хотя и превосходили их численностью вдвое.

Первое большое сражение после окончания Семилетней войны, сражение при Рябой Могиле показало, как высоко поднялось

русское военное искусство. До сих пор наступление всегда осуществлялось сплошной массой войск, хотя и разделенной на колонны. Раздельное наступление колонн к Рябой Могиле — первый в европейской военной истории опыт концентрического наступления.

Сразу же после сражения Румянцев отрядил отряд Потемкина для наблюдения за отступающим противником. Поскольку медленное продвижение Второй армии оставляло его фланг незащищенным, Румянцев выдвинул несколько отрядов для охраны важнейших направлений и только потом двинулся к нижнему течению Дуная. Панин же в это время лишь переправился через Днестр и шел по направлению к Бендерам.

Вскоре между течениями рек Прут и Ларга авангарды Первой армии, далеко выдвинутые от основных сил, обнаружили лагерь противника. Это были части бежавших, но в дальнейшем опять приведенных в порядок войск хана. Вместе с пришедшими им на помощь из Молдавии турками их численность достигала 80 тысяч. Хан ждал здесь соединения с главными силами визиря, готовившимися к переправе через Дунай у Исакчи. Румянцев, чтобы не допустить этого, решает немедленно атаковать противника. Для осуществления операции он сосредоточил все свои силы, выделив лишь двухтысячный отряд для охраны мостов у Фальчи.

Русский командующий построил войско в четыре каре: два нацеливались на фланг татарского лагеря, два предназначались для атаки с фронта. По его плану вся кавалерия с легкими полковыми орудиями, соображая свое движение с фланговыми каре, в одно время с ними должна была ударить противнику в тыл. Артиллерия должна была идти впереди.

При Ларге Румянцев создал и применил новую тактику для действия против иррегулярных войск. Он напал, а не ожидал нападения. И напал в боевом порядке, доселе не применявшемся, что позволило ему разом выставить больше сил, чем татары, хотя тех и было значительно больше.

Наступление русской армии началось около двух часов ночи. В четыре часа передовые каре подошли к лагерю неприятеля и, поддержанные сильным артиллерийским огнем, начали атаку.

И лишь около двенадцати часов дня противник обратился в бегство. Авангард Баура провожал его артиллерией.

В реляции императрице Румянцев сообщил: «В сей день, то есть 7-го июля, достигнувши неприятеля за речкою Ларгою на высотах, примыкающих к левому берегу Прута, одержала армия вашего императорского величества величайшую над ним победу. Было тут турков и татар премногочисленно, а командовали ими сам хан Крымский и паши: Абаза, Измаил и Абды. Последний присоединился к ним с правого берега Прута с своим лучшим войском в пятнадцать тысячах и так считалась вся их армия до восьмидесяти тысяч.

Неприятель с таковыми великими силами имел лагерь на пре-высокой и неприступной горе с обширным ретраншаментом, и его канонада командовала всею окрестностью... Мы, несмотря на все сии выгодные позиции, на рассвете с разных сторон поведши атаку, выбили штурмом неприятеля из всего его лагеря, поражая сопротивляющихся и брав одно за другим укрепление, коих было в оном четыре.

Хотя неприятель сильным огнем из своей артиллерии и мелкого ружья, продолжая более четырех часов, устремлялся давать отпор, но ни сила орудий, ни персональная его храбрость не постояли против превосходного мужества наших солдат, которые коль скоро коснулись поверхности горы, то и сделались мы победителями, а неприятель с превеликим уроном в наглой обратился бег.

Не только место лагеря, что под нашею теперь пятою, но и всеми пушками, коих с первого взгляду считаем до тридцати, артиллерийскими запасами, палатками, разною провизиею, посудю, скотом и каков только был багаж, мы в свою корысть завладели».

Татаро-турецкие войска потеряли около тысячи человек, 30 орудий, 3 мортиры, знамена и военное имущество. Потери русской армии составили не более ста человек.

В сражении при Ларге войска Румянцева, ворвавшись в турецкий лагерь, наглядно доказали, что есть вещи дороже серебра и злата. Османы вынуждены были отступать столь поспешно, что не успели ни вывезти, ни спрятать, ни растащить богатей-

шую казну. Русские солдаты постоянно натыкались на груды монет, россыпи жемчуга и камней, но поскольку им было не до этого — враг еще сопротивлялся, — все это так кучами и оставалось лежать. После сражения Румянцев лично подъезжал к каждому начальнику и изъявлял признательность за их благоразумие и мужество; а поблагодарив солдат за рвение и храбрость, приказал каждому отряду выдать по тысяче рублей в вознаграждение за их бескорыстие при переходе через неприятельский стан.

После Ларги противник в беспорядочном отступлении рассеялся в разных направлениях: турки отошли по течению Кагула, татары ушли к Измаилу и Килии.

Огорчительную весть о случившемся при Ларге великий визирь Халиль-бей услышал во время переправы своих войск через Дунай. Получив сведения о наступлении Второй армии (армии Панина) на Бендеры, визирь решил помешать осаде крепости. С этой целью он двинулся навстречу разбитым ханским войскам по восточному берегу озера Кагул, установил связь с отступившими за озеро Ялпух татарами с твердым намерением присоединить их к своей армии. Подойдя к остановившимся у озера Кагул туркам, шедшим от Ларги, турецкая армия расположилась здесь лагерем.

Русская армия под командованием Румянцева имела теперь перед собой главные силы осман, которые достигали 150 тысяч, а в тылу — разбитые, но вновь начавшие оправляться от разгрома и собираться ханские войска, насчитывающие порядка 80 тысяч человек. Хану, получившему значительное подкрепление, визирь поручил разрушить тыл русских, а затем идти на соединение с основными силами.

У русских окончилось продовольствие. Татары все более отчетливо грозили, перерезав коммуникации, прекратить движение русских транспортов. Естественным было в этой ситуации отступление для обеспечения продовольственной базы. Но в то время, как визирь двигался к Кагулу, Румянцев 10 июля направил авангард Баура по течению реки Кагул к деревне Гречани. Сам же он, отослав обозы к Фальчи для встречи с транспортами и поддерживая связь с Бауром через корпус Репнина,

перешел в долину реки Сальчи и остановился на правом ее берегу. Эта позиция русской армии обеспечивала связь с Фальчи и Бендерами, держала под угрозой татарскую конницу и в то же время позволяла сосредоточиться в любом направлении. Румянцев не мог исключить для себя возможность соединения турок и татар, и, чтобы не допустить этого, он двинул 17 июля свои войска к Кагулу, соединился с корпусами Баура и Репнина у деревни Гречани, несколько севернее полосы остатков древнеримских укреплений — знаменитых валов Траяна.

Поскольку натиск татар в тылу все более и более усиливался, то сконцентрировать все силы не представлялось возможным. Румянцеву пришлось отправить из Гречани сильные подкрепления и довести численность тыловой группы до 11 тысяч человек. Таким образом, сам он располагал против войск Халиль-бея лишь армией, насчитывавшей не более 27 тысяч при 118 орудиях.

20 июля, утомленная бездействием русских, турецкая армия переменяла свое выгодное положение и двинулась в направлении к Траянову валу, тянувшемуся в нескольких верстах южнее русского расположения, где турки и занялись устройством лагеря — в 7—8 верстах за валом. Румянцев, увидя это, сказал: «Если турки осмелятся разбить в сем месте хотя одну палатку, то я их в сию же ночь пойду атаковать».

Новая позиция, выбранная великим визирем, ограничивалась с севера (с фронта) Траяновым валом, с запада — глубокой рекой Кагул, с востока — широкой лощиной, постепенно сближающейся к югу с долиной Прута. Сюда сходились четыре гребня высот, веерообразно расположенных на пространстве между Прутом и лощиной. Средний хребет пересекал Траянов вал и тянулся далее к югу примерно на четыре версты.

Турецкий лагерь по сути дела располагался в своеобразном «мешке», между лощиной и течением Прута, заняв при этом проходившую здесь командную возвышенность. По всей видимости, великий визирь усматривал преимущество своей новой позиции в удобстве передвижений конницы по лощинам между хребтами для атаки расположенных южнее русских войск и действий на их тыл, если бы они вздумали с этой стороны атаковать

турецкий лагерь. Невыгоды позиции, однако, были более значимы: она была тесна, изрезана хребтами, изолировавшими части войск, а левый ее фланг оставался почти незащищенным.

Этот последний недостаток визирь намеревался возместить искусственным укреплением позиции. За первую ночь турки возвели по фронту четыре яруса окопов, выдвинув перед ними пять рвов, но с флангов возвести укрепления не успели.

Русский командующий решил атаковать турок. Составленный им план атаки был сходен с Ларгой в том, что исход боя решался ударом основной массы сил на главном направлении, другие же операции выполняли лишь подсобную роль. Одновременно план Кагульского сражения проще, а идея главного удара — ярче.

Согласно плану Румянцева основные усилия направлялись на левый фланг. Сюда, по разным путям, должны были подойти авангард Баура, дивизия Племянникова и дивизия Олица. Авангард Репнина и дивизия Брюса должны были атаковать одновременно с этим правое крыло противника, а также, если понадобится, подкрепить атаку левого фланга. То есть из 27 тысяч имеющихся в его распоряжении войск Румянцев против левого фланга противника решил задействовать порядка 19—20 тысяч.

В два часа ночи 21 июля русские начали наступление. Войска стали подниматься на хребты, уходившие в направлении к лагерю противника. В начале пятого часа русские, подойдя к Траянову валу, построились в боевой порядок и двинулись на врага, встретившего их плотным оружейным и артиллерийским огнем. Перед дивизией Брюса и корпусом Репнина поначалу показалась кавалерия противника с намерением контратаковать, но под огнем русских быстро отступила.

Между тем артиллерийский огонь с укреплений все усиливался. Под его прикрытием турецкая конница лошадьми снова устремилась на наступающих. Сильный конный отряд начал в то же время обход русского фланга и окружил каре Брюса и Репнина. Турки, проникнув за Траянов вал и используя его в качестве прикрытия, открыли сильнейший ружейный огонь и окружили дивизию Олица.

Для русских войск создалось крайне опасное положение.

В этот момент Румянцев вызвал резерв, который оттеснил противника от устья лощины. Сюда же он приказал двинуть и артиллерию, открывшую огонь по конным массам турок, стесненным в лощине боковыми хребтами. Несмотря на большие потери, турки продолжали натиск, бросая в атаку все большие силы.

Особенно опасны действия турецкой конницы были Репнину и Брюсу. Русские пехотные каре успешно отражали конные атаки, но кавалерия оказалась в критическом положении. В целях лучшей обороны ее отвели за каре, а с тыла и с флангов прикрыли пехотой, построенной в мелкие батальонные каре. Около трех часов заняло отражение натиска турецкой конницы. К восьми утра связь между главными силами и изолированными до этого группами войск Брюса, Репнина и Олица была восстановлена, и русские перешли в решительное наступление.

Баур первым приблизился к левому флангу турок, уже готовившихся к атаке. Вслед за ним подошло каре Племянникова, за которым левее и несколько отступая следовали каре Олица и конница Салтыкова, а сзади — резерв. Прицельный артиллерийский и оружейный огонь русских заставил турок отступить. Каре Племянникова ускорило движение, но лишь только русские войска поднялись на небольшую высотку, лежащую в непосредственной близости к укреплению, скрывавшийся в засаде большой отряд янычар атаковал каре и стремительным натиском прорвал его фронт. Ворвавшись внутрь русского боевого построения, янычары привели его в замешательство. Расстроенные передовые части каре Племянникова стали отступать, с трудом отбиваясь от массы наседавшего на них противника. Румянцев, увидя это, сказал находившемуся рядом с ним принцу Брауншвейгскому: «Теперь настало наше дело», и бросился к солдатам. Взяв первое попавшееся ему на глаза из валявшихся на земле ружье, он закричал: «Товарищи, вы видите, что ядра и пули не решили; не стреляйте более из ружей, но с храбростью примите неприятеля в штыки».

В то время как высланный вперед Первый гренадерский полк под командованием бригадира Озерова отражал натиск янычар, Румянцев перестроил войска заново в каре и сам повел на противника в штыковую...

Гренадерский батальон Воронцова в этот же критический момент пробрался ложиной к плохо защищенному турецкому левому флангу и открыл продольный огонь, что чрезвычайно помогло успеху Племянникова и Олица.

Вслед за батальоном Воронцова двинулись и остальные силы Баура. Одновременно Брюс атаковал правый фланг турок, а Репнин, успев проникнуть в тыл противника, обрушил на него жестокий артиллерийский огонь.

Турки, терпя громадный урон, поражаемые с фронта и тыла, сбитые в нестройную толпу, наконец не выдержали и ударились в паническое бегство. Победителям достался лагерь противника и его артиллерия в 140 исправных пушек с полным боезапасом.

Сражение продолжалось с пяти утра до половины десятого. Войска пребывали в крайней степени утомления, чем и можно объяснить, что русская пехота гнала турок без передышки не более четырех верст. Противник отступал в направлении Дуная по долине Кагула, о чем позднее доложили по начальству более свежие части корпуса Баура, сменившие в преследовании своих более измученных товарищей. Турок, бежавших в сторону Измаила, продолжал преследовать отряд генерала Игельстрома.

Потери Халиль-бея в сражении были огромны. Еще больше турки потеряли при отступлении. Корпус Баура нагнал турок, когда те пытались при помощи трехсот судов переправиться через Дунай. В паническом страхе при виде наступающих их русских они перегружали суда и тонули. На берегу сгрудились обозы.

Увидев, что подошедшие части Баура построились в две линии, готовясь начать атаку, турецкие войска поспешно сдались. Часть их, правда, поначалу попыталась спастись на судах, но Баур затопил эти корабли артиллерийским огнем. Все оставшиеся на берегу предпочли смерти плен.

Русские войска овладели колоссальным турецким обозом, заполонившим весь берег, лошадьми, верблюдами, мулами, множеством скота и остатками артиллерии — приблизительно двадцатью шестью медными пушками.

После Кагульского сражения Румянцев, обращаясь к солда-

там, сказал: «Я прошел все пространство до берегов Дуная, сбивая пред собою в превосходном числе стоявшего неприятеля, не делая нигде полевых укреплений, а поставляя одно мужество и добрую волю вашу во всяком месте за непреодолимую стену».

Он имел на эти слова полное право. Русские во всех войнах с татарами и турками строили войско в одно каре, или в три, и в последнем случае ставили одно каре возле другого так близко, что четыре фаса, составляющие одну треть действующих войск, не могли принимать участие в сражении и своим огнем защищать друг друга, так же как и кавалерию, которая не могла держаться против превосходной турецкой конницы. Фронт каре прикрывался рогатками, артиллерия размещалась по флангам боевой линии и по углам каре, кавалерия — по флангам, обозы — внутри каре.

Румянцев совершенно изменил и образ войны, и вид построения войск к битве. Он не ожидал турок, но искал их в поле и через это породил нравственную силу войска, заменявшую численность.

Он, разделяя свою армию на малые каре по две и три тысячи человек каждое, дал им быстроту и подвижность. Он помещал кавалерию колоннами за каре и артиллерию впереди каре, по флангам и в резерве. При удобном местоположении Румянцев мешал каре с колоннами. Иногда шел на неприятеля, построив войска в колонны, перестраивал их в походе при нападении кавалерии и даже отражал эту последнюю, имея в боевом порядке одни колонны, прикрытые густой цепью стрелков и огнем артиллерии, которая во всех сражениях, данных Румянцевым и подчиненными ему генералами, шла впереди и своим огнем, еще до удара в штыки, производила расстройство в рядах неприятеля. Так было и при Ларге, и при Кагуле.

Недаром поражаемые при каждой встрече губительным огнем русской артиллерии, турки приписывали свои неудачи прежде всего вероломным, по их понятиям, действиям русских войск: «Русские надеются на превосходство своей пальбы, против которой действительно не устоять никому... Но пусть только они не стреляют в нас, а выступят на бой с нами, как храбрые воины,

с мечами в руках; тогда увидят они, на самом деле, могут ли неверные противиться мусульманам...»

В сражении при Кагуле Румянцев разделил пехоту на пять каре, главное из которых насчитывало шесть тысяч, остальные — приблизительно до трех. Это позволило подкреплять одни части армии другими, поддерживать в продолжении нескольких часов непрерывный бой против многочисленных войск противника, сбить неприятельскую артиллерию концентрическим действием батарей и обойти турецкий лагерь с фланга.

Наградой за Кагул стал патент, подписанный Екатериной II и гласивший: «Известно и ведомо да будет каждому, что Мы Графа Петра Румянцева, который Нам Генерал-Аншефом служил, для его оказанной в службе Нашей ревности и прилежности, в Наши Генерал-Фельдмаршалы, тысяча семь сот седьмдесятого года, Августа второго дня Всемиловитейше пожаловали и учредили; якоже Мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем Нашим помянутого Графа Петра Румянцева за Нашего Генерал-Фельдмаршала, надлежащим образом признавать и почитать: напротив чего и Мы надеемся, что он в сем ему от Нас Всемиловитейше пожалованном новом чине, так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму Офицеру надлежит. Во свидетельство того Мы сие Нашею Собственною рукою подписали, и Государственною печатью укрепить повелели. Дан в Санкт-Петербурге, лета 1770. Декабря 28 дня».

Благодаря в ответном послании императрицу за милость, Румянцев напишет: «Русские подобно древним Римлянам, никогда не спрашивают: сколько неприятелей, но где они?»

Сражение при Кагуле — одна из самых славных побед русского оружия на всем протяжении XVIII века, наиболее крупная и значимая победа в русско-турецких войнах XVIII — начала XIX века. Оно блестяще завершило выдающийся поход Румянцева от Хотина к Дунаю.

Победы Румянцева при Рябой Могиле, Ларге и особенно Кагуле означали, что в развитии русской стратегии рутинная, господствовавшая в ней ранее и преодолевавшаяся уже в годы Семилетней войны — прежде всего в кампании 1759 года, — теперь успешно преодолевалась. Последовательные, целеустремленные,

проникнутые от начала до самого конца наступательным порывом, завершенные разгромом главных сил армии противника, решения и действия Румянцева приводят к выводу, что с этого времени на передний план выступают принципиально новые методы ведения военных действий, методы активной стратегии, основная цель которой — сокрушение живой силы и быстрый разгром противника.

Наступательная стратегия Румянцева сочеталась с наступательной тактикой. Тактическая оборона господствовала еще и в войсках Голицына в сражениях 1769 года. Именно поэтому Рябая Могила, Ларга и Кагул и ознаменовали собой резкий поворот в тактических взглядах и практике ведения боя русскими войсками.

Новые тактические формы, примененные Румянцевым в сражениях 1770 года, были умело и продуманно приспособлены к специфическим свойствам противника.

У турок из-за слабой организованности и дисциплины, неудовлетворительной строевой подготовки определенного фиксированного боевого строя не было. Неорганизованный огонь турецкой пехоты и чрезвычайно слабый огонь артиллерии быстро подавлялся массированным огнем пехоты и орудий европейских войск. Поэтому турки и не придавали значения максимальному использованию в бою огнестрельного оружия, хотя это и было ведущей идеей линейной тактики. Турецкая пехота и конница в бою обычно образовывали бесформенные скопления значительной глубины. Исходя из этого типичный для турок способ ведения боя заключался в том, чтобы сначала сковать и дезорганизовать противника рядом атак конницы, направляемой по преимуществу во фланги и тыл противника, а потом окончательно решить дело совместным натиском конницы и пехоты.

Стремление выработать действенный способ ведения наступательного боя лежало в основе созданной Румянцевым новой тактики борьбы с турками. Русский полководец осознавал, что только такая тактика отвечает требованиям наступательной стратегии. Имея богатый опыт Семилетней войны, он понимал, что русские войска способны на деле осуществить наступательные стратегию и тактику. Румянецв осознавал, что применявшиеся

ранее способы ведения боя против турок не отвечали выдвинутым задачам. Отсюда его расчленение армейского каре на ряд более малых, составленных дивизиями или бригадами. Такой боевой порядок обладал значительно большей подвижностью и создавал тем самым возможность маневра и удара, позволял сосредотачивать силы на направлении главного удара. Именно это принесло русским войскам победу в сражениях 1770 года.

Новая тактическая система, победоносно утвержденная Румянцевым, имела не только огромное практическое значение, но и не менее важное принципиальное значение, далеко выходящее за рамки проблемы борьбы с турецкими войсками. Русский полководец, приняв за норму расчленение боевого порядка на несколько более или менее самостоятельных частей, порвал с одним из наиболее тягостных постулатов догматизировавшейся линейной тактики, требовавшим обязательного сохранения сплошного боевого порядка при любых обстоятельствах.

Русское военное искусство в этом вопросе далеко опередило западно-европейское, продолжавшее непоколебимо твердо стоять на уже замшелых позициях вплоть до Второй русско-турецкой войны 1787—1791 годов, когда австрийцы, подражая русским, решатся наконец пойти также на раздробление боевого порядка. Отход от сплошного боевого порядка в дальнейшем неминуемо приводил к действию сомкнутыми колоннами, превращавшимися в главную тактическую единицу на поле боя.

Большое значение имел и отказ Румянцева от равномерного распределения сил по фронту, создание боевого порядка с выраженным сосредоточением сил на направлении главного удара. Это явилось продолжением идеи, которую Салтыков осуществил при Кунерсдорфе.

Румянцев никогда не сковывал инициативу своих подчиненных. Перед сражениями, давая предписания, он всегда говорил: «Конечно, всякий верный сын Отечества сделает все полезное и сверх предписания сего; начальники полков, увидя какую-нибудь перемену в сражении, не пропустят случая сделать движений, согласных с успехом сражения». Давал он своим подчиненным и оперативный простор. Так, в июле 1771 года он пишет генералу Репнину: «Уважая невозможность, по дальнему расстоя-

нию, руководствовать действиями войск, вам вверенных в Валахии, предоставляю это благоразумию вашему с замечанием, чтоб в случае увеличения сил неприятельских, не взирая на его превосходство, предпочитать славу оружия пред всеми земными выгодами; искать неприятеля, уничтожать все его покушения и чрез то доставить защиту и безопасность занимаемому краю».

Кампания Румянцева 1770 года стала рубежом в развитии русского военного искусства. Его дальнейшее развитие представляет собой четко выраженное движение по пути формирования законченной самобытной системы и практических действий по важнейшим вопросам стратегии и тактики.

Наряду с победами, одержанными Румянцевым, и долгожданным взятием Бендер лето 1770 года принесло России еще один значительный успех. Эскадры русского флота, пришедшие еще весной в Архипелаг, согласно первоначальному плану высадили на Морейском полуострове десант, перед которым ставилась задача побудить христианское население полуострова и островов Архипелага к восстанию против турецкого угнетения. Вспыхнувшее восстание успеха не имело. Причиной тому были недостаточность русского десанта, плохая организация и слабое вооружение повстанцев. Османам удалось подавить восстание. Но удачно кончившееся для турков восстание покоренных ими народов явилось им слабым утешением, когда по всему Средиземноморью разнеслась весть о крупнейшем поражении турецкого флота. 24 июня в сражении в Хиосском проливе флот Оттоманской Порты был разбит русскими эскадрами и укрылся в Чесменской бухте. Укрылся, как в дальнейшем выяснилось, себе на гибель. Через день — в ночь на 26-е — русские корабли в Чесменской бухте массированным артиллерийским обстрелом и брандерной атакой полностью уничтожили весь флот турок. После этого в Эгейском море стал доминировать русский флот. Дарданеллы были заблокированы.

В 1771 году князь Долгорукий, командовавший армией, действовавшей против крымских татар, завоевывал Крым. Задачей же Румянцева было удержать турок от помощи татарам. Ему предписывалось «оборонной линии по Дунаю и покушениями за этой чертой обратить оттоманские силы преимущественно к той

стороне, откуда опасности для земель их были тогда ближе и важнее». Таким образом на него возлагалась оборона от Ольты до северных устьев Дуная. Им был выделен корпус для действий против Барской конфедерации, выделены полки для обороны крепостей Хотина, Бендер, Аккермана, Килии, Измаила и Браилова...

Еще в 1770 году Россия предложила Порте начать мирные переговоры. Австрия и Пруссия, опасавшиеся полного разгрома турок, изъявили желание быть в переговорах посредниками. Но вмешательство западноевропейских держав, и в первую очередь Франции, помешало началу переговоров. Франция, провал далеко идущих планов которой на Ближнем Востоке становился все более очевидным, откровенно толкала Османскую Порта на продолжение войны.

К тому же, как ни сильны были удары, нанесенные туркам, они тем не менее оказались недостаточными, чтобы сломить их сопротивление. Возможности Порты к восстановлению своих вооруженных сил еще не были исчерпаны. Перед русской армией лежал Дунай — мощная водная преграда. На Дунае турки имели сильную флотилию, а у русских войск переправочных средств, кроме очень слабых подручных и табельных, не было. Кроме того, складывалась от месяца к месяцу все более неблагоприятная для России международная обстановка. Особенно враждебную позицию заняла Австрийская империя, крайне обеспокоенная победами русского оружия.

Крупные военные успехи России вызвали нескрываемую настороженность и у Пруссии. Фридрих II втайне мечтал столкнуть Российскую империю с Австрийской. Последняя же была и сама сильно озабочена проникновением России в Дунайские княжества, на которые австрийцы давно претендовали.

В результате всех этих политических хитросплетений Австрия летом 1771 года заключила с Турцией конвенцию, по которой она брала на себя обязательство за крупную субсидию и уступку ей Малой Валахии добиться возвращения туркам занятых русской армией земель. Успокоенные и ободренные обещанной помощью и посредничеством Австрии и Франции, турки отказались вступать в прямые переговоры с Россией о прекращении

военных действий. Война продолжалась.

Однако смена политической конъюнктуры вскоре вынудила Австрию пересмотреть свою точку зрения в очередной раз, и она предложила свое посредничество в проведении мирных переговоров. Русское правительство, идя навстречу этой инициативе, приступило весной 1772 года к мирным переговорам.

Переговоры велись на Фокшанском конгрессе. С русской стороны присутствовал личный представитель Екатерины Григорий Орлов, про которого императрица пишет одной из своих корреспонденток: «Мои ангелы мира, думаю, находятся в настоящее время лицом к лицу с этими гадками бородатыми турками. Граф Орлов, без преувеличения самый красивый человек нашего времени, должен, действительно, показаться ангелом рядом с этими мужиками; его свита блестящая и избранная... Я готова все же биться об заклад, что его особа затмевает все, что его окружает. Этот посланник странная личность; природа была так необыкновенно щедра к нему, как относительно лица, так и относительно ума, сердца и души!»

Послом турок был реис-эфенди Осман-паша, о котором в дальнейшем русские, находящиеся на конгрессе, удивляясь странностям его обхождения, выражали свое мнение таким образом: «Конечно, с нашей стороны, было бы неприлично назвать этого человека глупым, и поэтому лучше сказать, что он умен в таком роде, в каком мы еще никого не встречали».

Кроме Орлова и Осман-паши в Фокшанах присутствовали без всякого непосредственного участия в переговорах австрийский и прусский поверенные в делах — барон Тугут и майор Цегелин.

Со стороны России основные условия были: независимость от Порты Крымского ханства и предоставление свободного мореплавания русским кораблям по Черному и Эгейскому морям. Но Осман-паша не хотел и слышать о независимости Крыма, объявляя, что такая уступка со стороны Порты повела бы к основанию двух калифатов, противному правилам мусульманского учения. Орлов же настаивал на этом, говоря, что «пскровительство, оказываемое Портой татарам, подавало повод к нападениям на русские области, и всегда было причиной к несогласию между Россией и Турцией».

Но необходимо признать, что подобное здравомыслящее рассуждение у Орлова на конгрессе — редкость. Его поведение, вызывавшее множество нареканий, послужило одной из причин неудачного проведения переговоров в Фокшанах. Едва только приехав на конгресс, он, казалось, больше думал о продолжении войны, чем о заключении мира. Он требует себе командование армией. На заседании конгресса затевает ссору с Румянцевым и объявляет, что повесит его. Он совершенно не считается с инструкциями, которые ему из столицы присылает Н. И. Панин; всерьез обдумывает планы захвата Константинополя, переезжает в Яссы, где проводит время в фейерверке празднеств. Наконец, он получает из Петербурга известие, что его место при Екатерине, прочно им удерживаемое на протяжении десяти лет, занято неизвестным Васильчиковым. Он бросает все и уезжает.

Его отъезд, негибкость позиции Осман-паши и происки Тутугута способствовали прекращению конгресса.

Храбрость солдат, искусство полководцев было — как это и происходило зачастую — принесено в жертву большой политике и личным амбициям.

Вскоре после неудачного конгресса в Фокшанах состоялся новый тур переговоров — в Бухаресте. На этот раз с турецкими представителями имел дело сам Румянцев. В ходе переговоров русский военачальник требовал то, что позднее Россия получила по Кучук-Кайнарджийскому миру. Глава же турецкой делегации предлагал вместо всего комплекса политических и территориальных условий 25 миллионов пиастров (что-то около 14,5 миллиона рублей). Румянцев отказался. Верховный визирь, узнав об этом, заметил меланхолично: «25 миллионов легко сказать, да не легко уплатить. Может ли признание независимости татар поставить нас в худшее положение при настоящем перевесе России над Портою? В последствии можно возвратить потерянное, но теперь нам всего нужнее мир». Однако диван решил быть выше сиюминутных нужд, ибо что такое страдания наши перед лицом вечности? Короче, диван решил, что независимость татар несовместима с духом ислама, и переговоры тем самым закончились, снова уступив место пушкам.

Ресурсы Турции еще не были исчерпаны. Австрия и Франция

подталкивали Порту к сопротивлению. Весной 1773 года военные действия возобновились. Эта годичная передышка была выгоднее скорей Турции, нежели России.

Из Петербурга Румянцеву был доставлен приказ Совета о наступлении за Дунай. Ему предписывалось перейти через Дунай и наступать на Шумлу — важнейший опорный пункт противника в предгорьях Балкан.

После того, как русские войска переправились через Дунай, Екатерина II писала Вольтеру: «Радуйтесь, Г. Вольтер, вместе со мной переходу через Дунай. Он не столь знаменит, как переход Людовика XIV через Рейн, но не столь обыкновенен. Целые восемь сот лет Русское войско, по преданию летописцев, не было на той стороне Дуная».

В начале кампании Суворов, получивший назначение незадолго до этого к Салтыкову, взял крепость Туртукай. Вейсман, перейдя Дунай, сначала наголову разбил вдвое его превосходящий татаро-турецкий корпус, а затем напал на двухбунчужного Осман-пашу, десяти тысячный отряд которого охранял удобную переправу у Гуробала, и полностью истребил его войско.

Путь за Дунай был открыт. Впереди лежала Болгария, изнывающая под пятой осман. 23 мая Румянцев обратился со специальным манифестом к народам Османской империи, торжественно заявляя, что его армия не собирается воевать с мирными жителями, а лишь с непокорившимся вооруженным неприятелем. Местное население — болгары и валахи — восторженно встречали русскую армию. В дунайской армии были учреждены специальные легкие войска — арнауты, набираемые из числа жителей Молдавии и Валахии.

Перейдя Дунай у Гуробала, Румянцев двинул свой авангард навстречу туркам, расположившимся в лагере близ сильной крепости Силистрия.

В этой кампании Румянцев действовал с разумной осторожностью, не всеми понятой и оцененной. Русский командующий избегал риска, поскольку неудача главных сил южнее Дуная могла бы иметь катастрофические последствия.

В 1774 году началась новая кампания против турок. Действия русских войск развивались на основе предложений Румянцева,

основную идею которых он сформулировал так: «я приложу старание поставить все части во взаимную связь и теснить неприятеля, вовлекая его на бой в поле из мест, на которые без крайности не почитаю я полезным вести поспешную атаку, и отваживать в начале кампании людей на большую потерю».

Екатерина II предоставила Румянцеву самые широкие полномочия — полную свободу наступательных операций, право ведения переговоров и заключения мира. В мае 1774 года поход начался.

По генеральному плану Румянцева, в 1774 году предусматривалось перенесение военных действий за Дунай и наступление до самых Балкан, чтобы сломить сопротивление Порты. Для этого корпус Салтыкова должен был обложить крепость Рушук, сам Румянцев с 12-тысячным отрядом осадить Силистрию, а Репнин — обеспечить их действия, оставаясь на левом берегу Дуная. Каменскому и Суворову предписывалось наступать на Базарджик и Шумлу, отвлекая на себя до падения Рушука и Силистрии войска верховного визиря.

Организованное несколькими группами войск наступление армии Румянцева на правом берегу Дуная привело вскоре к нескольким значительным победам: Каменского при Базарджике, Салтыкова у Туртукая и — самой главной, сыгравшей значительную роль в победоносном окончании войны, — Суворова при Козлуджи. Сам А. В. Суворов позднее вспоминал: «Последнюю баталию в Турецкой войне выиграл я при Козлуджи, пред заключением мира. Резервный корпус команды моей соединился с Измаильским. Турецкая армия около пятидесяти тысяч была под команду Резак Эфендия и главного янычарского Аги, была на походе через лес и встречена нашею конницею, которая захватила их квартирмейстеров с генеральным и принуждена была уступить силе. От моего авангарда три батальона гренадер и егерей с их пушками под команду Г-д Трейдена, Ферзена, Река остановили в лесу противный авангард, восемь тысяч Албанцов, и сражение начали. Скоро усилены были команды Генерала Озерова кареем двухполковым, Суздальского и Севского под Магабеловым; но почти уже преуспели сломить Албанцов, соблюдая весьма свой огонь. Сие поражение продолжалось близ двух ча-

сов около полден. Люди наши шли во всю ночь и не успели при-
нять пищу, как и строевые лошади напоены не были. Хотя раз-
ные покушения от варварской армии на нас были, но без успеха,
а паче препобеждены быстротою нашего марша и крестными
пушечными выстрелами, как и ружейною пальбою с соблюде-
нием огня. Здесь ранен был внутри карея Князь Ратиев, подпол-
ковник, ...подем был наш марш, большею частью терновником,
паки девять верст, и при исходе его прибыл к нам артиллерию
Капитан Базин и с ним близ десяти больших орудиев, которыми
открыл пальбу в лощину, внутрь Турецкого лагеря. Уже Турки
всюду бежали, но еще дело кончено не было, за их лагерем
усмотрел я высоту, которую одержать надлежало; пошел я
сквозь оный с Подполковником Любимовым и его эскадронами,
карен же оный обходили и тем нечто замешкались. По занятию
мною той высоты произошла с турецкой стороны вдруг на нас
сильная стрельба из больших пушек, и по продолжению приме-
тил я, что их немного, то приказал от себя Майору Парфентьеву
взять поспешнее из карея три Суздальские роты, их отбить, что
он с крайнею быстротою марша и учинил. Все наше войско рас-
положилось на сих высотах против наступающей ночи, и прибыл
к нам Г. Бригадир Заборовской с его кареем комплектнаго Чер-
ниговского полку; таким образом окончена совершенная победа
при Козлуджи, последняя прошлой Турецкой войны».

Используя эту победу, Румянцев заблокировал главные силы
армии великого визиря в Шумле. Противник был сломлен. Румян-
цев также организовал набег русской конницы за Балканы в тыл
Шумлинского прохода для перерыва связи Шумлы с Адриано-
полем. Конный отряд возглавил тот самый бригадир Заборовский,
который пришел к Суворову при Козлуджи. Он стал единствен-
ным русским военачальником, проникшим далеко за Балканы.
После подписания мира с турками Заборовский получил чин ге-
нерал-майора, орден святого Георгия III класса и золотое оружие
с алмазами и надписью: «За знаменитое удачное предприятие
за Балканами».

Турки уstraшились возможного массированного продвижения
русских войск за Балканы. Великий визирь предложил снова за-
ключить перемирие и начать мирные переговоры. В ответ на это

Румянцев в ультимативной форме потребовал заключения мира и только на предложенных русскими условиях. Турки были вынуждены согласиться. К Румянцеву снова явились парламентареры, заявившие, что великий визирь вынужден «отдалить все противности и согласиться с уполномоченным... генерал-поручиком князем Репниным заключить без отлагательства вечный мир».

Мир был заключен в деревне Кучук-Кайнарджи, которую незадолго до этого Румянцев занял сильным отрядом. Русский командующий решительно отклонил все попытки формальностями затянуть переговоры. Как писал сам Румянцев в реляции о ходе переговоров, все дело было «траковано без всяких обрядов министериальных, единственно скорою ухваткою военную, соответствуя положению оружия».

Прелиминарный текст мирного трактата был подписан непосредственно в русской ставке. Это событие прошло буднично и обыденно — договор был подписан по-походному, на полковом барабане.

Кучук-Кайнарджийский договор обеспечивал России исключительно выгодные условия. Согласно этому договору крымские, кубанские, буджакские и другие татары становились не зависимыми от Османской Порты. Во владение России переходили Керчь и Еникале в Крыму и Кинбурн на побережье Черного моря, степь между Днестром и Бугом, кроме крепости Очакова. Южная граница России к востоку от Днепра была передвинута к рекам Берда и Конские Воды. Россия получала право укрепить Азов. Порта предоставляла русским судам право свободного прохода через проливы и уплачивала 4,5 миллиона рублей контрибуции. Россия брала под свое покровительство Молдавию и Балахию. Кучук-Кайнарджийский мир превратил Россию в черноморскую державу и значительно укрепил ее позиции на юге, в Закавказье и на Балканах.

Однако впереди еще были трудности по ратификации мирного договора. Большой малярией Румянцев продолжал руководить всем ходом переговоров. Благодаря его твердости и настойчивости, султан был вынужден утвердить договор без всяких изменений в необычайно сжатые сроки: трактат был подписан

10 июля 1774 года и подтвержден султаном 13 января 1775 года.

В ответ на реляции Румянцева о ходе переговоров Екатерина II писала: «сей день почитаю из счастливейших в жизни моей, где доставлен Империи покой, ей столь нужный».

Румянцев был щедро награжден, назначен начальником всей русской конницы. Вообще же за время войны он был награжден орденом св. Георгия I класса, пожалован в фельдмаршалы, поименован Задунайским, получил фельдмаршальский жезл с алмазами, шпагу с алмазами, лавровый венок, медаль со своим изображением, имение, 100 тысяч рублей на покупку дома, серебряный сервиз и дорогие картины.

По замыслу императрицы, планировалось встретить Румянцева в Москве ей самой под триумфальной аркой, откуда он, не слезая с лошади, должен был поехать с ней до Кремля. Румянцев отказался.

В его честь слагали стихи:

Российский уж меч охочь врагов сечь,
Румянцев тем управляет,
И бог ему поспешает.
О господи! Славного
Отечества сын,
Трудолюбивый вождь, с Россией один...

Извольте все венки плести,
И графу встречу с собой нести
Хвалы за труд ему достойны,
Как победителю пристойны.

Разгнал всех турок злобу мрачну,
Победу дал нам светлозрачну,
Румянцев Граф всевышним дан,
Фельдмаршал нам Христом избран.

Он был на вершине славы. Казалось, достигнуто все, о чем можно только мечтать...

IV. ПУТЬ С ВЕРШИНЫ

Как известно, полного счастья на свете нет. На этот раз судьба решила подтвердить данную аксиому на примере Румянцева:

еще недавно служивший под его началом (именно в его армии ставший из камергера — фигуры сугубо статской — боевым генералом) Г. А. Потемкин вышел на авансцену истории, оттеняя и отпихивая всех и вся. Перед последней кампанией затребованный императрицей в Петербург для занятия вновь вакантного места фаворита, Потемкин стремительно набирал вес, самозабвенно коллекционируя должности и награды. Достигнув пика своей карьеры, он будет неофициально именоваться вице-императором, но и к моменту Кучук-Кайнарджи его влияние во многих областях государственной деятельности было доминирующим. Включая и армию. Человек блестящих способностей и большого государственного ума, французский посол граф де Сегюр приводил курьезный пример, что, придя к Потемкину с проектом одного коммерческого учреждения в Херсоне, он зачитывал его светлейшему, постынно отвлекавшемуся на множество самых различных дел; взбешенный невниманием Сегюр скомкал прочтение и ушел, а через месяц получил благодарственное письмо от директора этого учреждения: Потемкин запомнил пункт за пунктом всю записку и большинство пунктов удовлетворил — но крайне често- и самолюбивый, светлейший князь не терпел конкурентов. И в армии он хотел быть единственным начальником. За этим желанием проглядывалась тень императрицы, и Румянцев был вынужден отступить. Он уехал на Украину, где продолжал свое наместничество, руководил практической стороной присоединения и закрепления за Россией Крыма.

Взаимоотношения Румянцева и Потемкина служат хорошей иллюстрацией, позволяющей оценить саму систему фаворитизма, процветавшую и при Екатерине.

Фаворитизм стоил дорого: братья Орловы обошлись государству в 17 миллионов рублей, Васильчиков — в 1,1 миллиона, Потемкин — в 50 миллионов рублей (хотя, объективности ради, необходимо признать, что немалую часть этой колоссальной суммы Потемкин употребил во благо того же многострадального и долготерпеливого государства), сменивший его Завадовский — бывший секретарь Румянцева, уступленный им Екатерине II за ради своего умения хорошо вести документацию и решивший попробовать себя и в новом поприще, — 1,38 миллиона; далее

были: Зорич — 1,42 миллиона, Корсаков — 920 тысяч, Ланской — 7,26 миллиона, Ермолов — 550 тысяч, Мамонов — 880 тысяч, братья Зубовы — 3,5 миллиона и некоторые другие — помельче. Плюс — расходы фаворитов — около 8,5 миллиона, и это не считая сотен тысяч душ крестьян, пожалованных Екатериной этим своим друзьям. Для примера: война 1768—1774 годов обошлась России порядка 47,5 миллиона рублей.

Время, как видим, немалое. И не только в плане прямого расточения материальных средств. Институт фаворитизма подрывал и моральные устои: он был безнравствен по своей сути. Это, пожалуй, крайняя, наиболее уродливо-беззащитная степень протекционизма (вне зависимости, чем она вызвана и на чем основывается), разлагающего общество. Она размывает, деформирует все критерии общественного блага, личного достоинства членов общества, извращает всю систему нравственных ориентиров последнего.

Ланжерон, полковник французской армии, после французской революции приехавший в Россию, заслуживший за осаду Бендер и взятие Измаила золотое оружие и звание полковника русской армии, впоследствии русский генерал, в своих записках писал: «Некоторые (из фаворитов) умели облагородить свое униженное положение: Потемкин, сделавшись чуть не императором, Завадовский — пользой, которую приносил в администрации; Мамонов — испытываемым и не скрываемым стыдом». Потемкин, пожалуй, единственный из всей этой плеяды — государственный деятель. Остальные тяготеют к балласту. Вот итог деятельности П. Зубова, как и Потемкин, наиболее систематически испытывавшего тягу к управлению государством, но не обладавшего ни одним из талантов последнего — согласно книги «Фавориты Екатерины II», вышедшей в 1912 году, — «результатом административной деятельности Зубова в области внутренней политики были подорванная дисциплина в армии, развитие роскоши и сибаритства в офицерских кругах, опустошенная казна и переполненные тюрьмы».

Тот же Ланжерон оставил нам свои впечатления о времяпрепровождении князя Зубова: «Каждый день с восьми часов утра, его передняя наполнялась министрами, царедворцами, генерала-

ни, иностранцами, просителями, искателями мест или милостей. Обыкновенно тшечно ждали часа четыре или пять и уходили, чтобы вернуться на другой день. Наконец наступал желанный день: двери широко раскрывались, толпа бросалась в них и находила фаворита, которого причесывали сидящим перед зеркалом, опершись ногой на стул или на край стола. Посетители, поклонившись в ноги, осыпанные пудрой, становились в ряд перед ним, не смея ни шевельнуться, ни говорить. Фаворит никого не замечал. Он распечатывал письма и прослушивал их, показывая вид, будто занят делами. Никто не смел заговорить с ним. Если он обращался к кому-нибудь, тот, после пяти-шести поклонов, приближался к его туалету. Ответив, он возвращался на свое место на цыпочках. Те, с кем Zubov не заговаривал, не могли подойти к нему, так как он не давал частых аудиенций. Я могу удостоверить, что были люди, три года приходившие к нему таким образом, не удостоившись ни одного слова... В Царском Селе зеркало помещалось так, что в его отражении он видел посетителей, к которым сидел спиной». Zubov имел обезьянку, любившую путешествия по парикам посетителей. «Когда она видела полюбившийся ей головной убор,— продолжает Ланжерон,— она бросалась с люстры на голову его обладателя и пристраивалась там. Осчастливленный человек наклонялся и почтительно ждал, чтобы маленькое животное окончило свою трапезу или перешло на голову вновь прибывшего обладателя тупея. Я знаю людей, которые переменили и повысили свою прическу, в надежде привлечь на нее внимание фаворитки фаворита».

Однако, царство Zubova Румянцев увидит в самые последние свои годы. Пока же в России почти самодержавно правил Потемкин.

А Румянцев укреплял рубежи страны. В 1776 году он получил приказ двинуть свои войска в Крым, дабы удалить оттуда Девлет-Гирея, придерживавшегося чересчур протурецкой политики, и провозгласить ханом Шагин-Гирея.

В ноябре один из подчиненных Румянцева князь Прозоровский вступил в Крым. Девлет-Гирей бежал в Порту, а Шагин-Гирей весной 1777 года был провозглашен ханом всех татар. Однако новый хан не пользовался особой любовью своих поддан-

ных. Крайне деспотичный и расточительный, он слишком рьяно стал обирать свой собственный народ. Шагин-Гирей решил европеизировать свои вооруженные силы и с этой целью завел в Крыму регулярное войско. Среди этого вновь набранного войска и вспыхнул мятеж. Турки воспользовались этим, и изгнанный Долгоруким еще в 1771 году Селим-Гирей вернулся в Крым и был провозглашен ханом. Ему в помощь Порта отправила восемь кораблей. Екатерина после этого приказала Румянцеву восстановить власть Шагин-Гирея и прекратить мятеж. И снова исполнение этого приказа было поручено Прозоровскому, который вынудил 6 февраля 1778 года татарских мурз явиться с покорностью к Шагин-Гирею. Это стало по сути дела последней крупной военно-политической акцией, за которой в скором времени последовало окончательное присоединение Крыма к России, проведенное по инициативе Потемкина.

Все это время Румянцев — помимо комплекса дел, связанных с Крымом — продолжал управлять Малороссией. Его секретарь в эти годы Н. Лесницкий, оставил записки, показывающие фельдмаршала в мирной обстановке, когда его характер, не стесненный экстремальными ситуациями войны, проявлялся полнее всего.

Если на войне он зачастую был суров с людьми и, неутомимый сам, зачастую требовал того же от подчиненных, никогда не реагировал на чьи бы то ни было просьбы, то в мирной обстановке это был другой человек, естественно, сын своего времени, но не тот калиф на час, в силу неопределенности своего положения торопящийся урвать как можно больше и не думающий о последствиях. Нет, Румянцев был государственным человеком, не могущим позволить себе разорительные для окружающих людей слабости.

Он не страдал гипертрофированным честолюбием. Он никогда не отворачивался от оступившегося человека, несмотря на все слухи и сплетни о нем, а предпочитал дать ему шанс делом исправить свои ошибки. Единственно, к кому он был нетерпим, — это к людям бесчестным.

Был прост в обращении и быту. Свиты при себе большой никогда не терпел, караулов не имел. Сам всегда носил простой

офицерский, большей частью пехотный, мундир. В дороге большие дома обычно проезжал мимо. Доступ к нему был всякому свободен. Часто бывал там, где его никак не ожидали увидеть. Всякий, кто имел к нему пакет или просьбу, сам и должен был вручить ему лично. Секретари принимали у Румянцева посетителей только в случае его болезни. Был гостеприимен со всеми и всяким. Любил гостей, но не выносил их поклонны.

На непорядок, упущение или ошибку смотрел снисходительно. Если совершивший это как-то пытался оправдаться, то был выслушиваем всегда терпеливо. Слухам не верил. От обещаний уклонялся, «упреждая их самим делом. Если обещал, то не свыше возможностей своих, и слово всегда держал твердо. Напоминать ему не надлежало. Находил возможность оказывать милость... Влияний никаких на себя не терпел. Враг был всяких ласкательств. Одадживался самыми малыми услугами, чтобы в больших не иметь необходимости. Ничем не нуждался, ни к чему не привязывался, поскольку мог без чего обойтись. В речь свою себя насчет заслуг никогда не включал... Тщеславием и мечтанием гнушался. Путей посторонних к себе никаких не позволял, и их не было известно. Всякому уловлению себя противопоставлял если не речь, так дела. Всегда один и тот же и вообще никогда не изменялся».

«Упражнение на пользу службе, или общественную во всяком его положении... всегда обращали его внимание и признательность... Поспешность без торопливости исполняющих сопровождала все упражнение его до самой смерти... Ровно относился ко всем — ни во что не ставил покровительство сильных мира сего; не претворялся сам перед начальством».

Случай, происшедший с Румянцевым в эти годы, лучше всего свидетельствует, что Лесницкий не ошибался в своих наблюдениях.

Вскоре после присоединения Крыма Екатерина решила продемонстрировать Европе новые российские приобретения, посмотреть самой на страну, которой она правила, и дать возможность своим подданным увидеть того, кто правит ими. Общая организация путешествия была поручена Потемкину, что привело в итоге к тому, что в русском языке прижилось выражение «потем-

кинские деревни», выражающие понятие «пускать пыль в глаза». Выражение это обязано скорее не реальному положению дел, а зависти русских доброхотов и ненависти зарубежных, удивленных и напуганных тем, как быстро растекается Россия в своих беспредельных границах.

Потемкин сделал действительно необычайно много. Он не терпел ровни себе, но, как человек государственный, он умел выбирать себе помощников, и не бездумных исполнителей, а людей мыслящих и инициативных, которым он давал широкие права и не лез к которым с унизительно-мелочной опекой. Результаты их дел и видела Екатерина и ее иностранные гости — послы и знать Европы, включая австрийского императора Иосифа II.

Однако, справедливости ради, необходимо заметить, что нарицательные «потемкинские деревни» возникли не на пустом месте. Феерическая роскошь и удивляющее воображение мотовство сопровождали путешествующих. Потемкин в дорожные мелочи не вникал — ему это было не интересно, другие же распорядители не всегда обоснованно считали, что деньги могут все и что чем дороже — тем лучше.

Когда обоз вояжирующих добрался до Украины, Безбородко — статс-секретарь Екатерины, еще один бывший секретарь Румянцева, заведовавший материальной частью путешествия, — посоветовал местному губернатору быть поэкономнее. Губернатором был Румянцев. Он не заставил повторять себя дважды, и путешественников в Малороссии не ждали крытые галереи со столами, уставленными закусками, и деревянные дворцы, построенные специально для разового ночлега; Румянцев сократил все импровизированные помещения до строго необходимого и не позаботился даже о парадном убранстве Киева, который Екатерина хотела показать своим гостям во всем блеске. «Скажите императрице, что мое дело брать города, а не украшать их», — ответил он Мамонову, которому было поручено передать ему замечание.

В Крыму Потемкин компенсировал аскетизм Румянцева. Стены дворцов раздвигались, и перед гостями проходили эскадры судов, пустыни оживали и приветствовали проезжающих. Сегюр

писал об этом: «Таково двойное волшебство самодержавной власти и пассивного послушания в России: здесь никто не ропщет, хотя нуждается во всем, и все идет своим чередом, несмотря на то, что никто ничего не предвидет и не заготавливает вовремя».

Для подобной системы организации власти материальные издержки зачастую более приемлемы, нежели моральное поощрение, поскольку здесь действует закон, согласно которому чем власть менее ограничена, тем более она антиобщественна. Поощрять же души людей — это приучать их к мысли о собственной самоценности. А это опасно, ибо они могут в конце концов начать задумываться и задавать различные вопросы, делая при этом никому не нужные выводы.

Недаром еще в 1763 году в Москве под барабанный бой был прочтен указ, являвшийся по существу повторением указа Елизаветы Петровны от 5 июня 1757 года и воспрещавший жителям заниматься предметами, которые до них не касаются. К этим предметам были отнесены все государственные дела. Указ был возобновлен и в 1772 году. Это был знаменитый «Указ о молчании», разгружавший головы подданных от ненужных власти умствований. Словом, живи просто, весело, сполный приказы начальства и — радуйся. За тебя все решат.

Проводя систему аналогов, можно вспомнить слова К. Маркса, критиковавшего германские порядки: «...тот факт, что над ними властвуют, что ими правят, что ими владеют, они (то есть подданные — Ю. Л.) обязаны признавать и исповедовать как милость неба! А на другой стороне — сами повелители, величие которых находится в обратном отношении к их числу!» *. Из этого следует вывод, что правительственная система, «которая живет тем, что сохраняет всякие мерзости, и сама есть не что иное, как мерзость, воплощенная в правительстве» **.

Результатом исключения индивидуума из общественно-активной жизни является социальная апатия. Привычка к наплева-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 417.

** Там же.

тельству, проистекающему от безответственности, губит общество, и тогда, когда власть предержажие, поняв, что равнодушие к делам государства ведет к распаду, стараются как-то реанимировать этот общественный интерес. Вывод же, что без общественных организаций общественного сознания быть не может, пугает. Когда же логика жизни — сквозь зубы — заставляет с этим примириться, то жестко ограниченная инициатива — так, чтобы не затрагивать коренных принципов, — не в состоянии помочь делу. Зачастую все это поначалу и незаметно, но тем не менее существует и эрозийно воздействует на общество.

Вакуум в обществе, лишенном общественно мыслящих граждан, заполняет бюрократия, центральная и местная, делящая власть с правителем и зачастую — в силу своей бесконтрольности, незаменяемости и вытекающей из этого неизменности — оставляющая ему лишь номинальное представительство с выполнением бутафорских функций. Она — уже не отдельное лицо, а мощная организованная система — во главу угла ставит не благо государства, а свое собственное, что прямым ходом ведет общество к упадку. Власти приходится мириться с этим и прощать своей единственной опоре все шалости. Хорошей иллюстрацией этого может послужить диалог Безбородко с Екатериной.

Екатерина, желая периодического отдохновения от дел государственных, создала у себя в Эрмитаже, третий параграф коего устава гласил: «просят быть веселыми, но ничего не уничтожать и не кусаться», систему малых приемов, на которых, согласно тому же уставу, запрещалось заниматься серьезными проблемами, помнить о прошлых распрях и ссорах, лгать и говорить глупости. Виновные наказывались штрафами в десять копеек, которые бросали в кружку для бедных. Роль казначея исполнял Безбородко. Один из посетителей этих вечеров, говоривший нелепости поминутно, постоянно заставлял кассира подставлять ему кружку. Раз, когда он уехал с вечера раньше обыкновенного, Безбородко сказал Екатерине, что следует воспретить ему вход в Эрмитаж, поскольку иначе он разорится на штрафах. «Пусть приезжает, — ответила Екатерина, — мне дороги такие люди; после твоих докладов и докладов твоих товарищей, я имею надобность в отдыхе, мне приятно изредка послушать и вранье».

На что Безбородко ответил: «О, матушка-императрица, если тебе это приятно, то пожалуй к нам в первый департамент правительствующего Сената: там то ли услышишь!» Этот искрометный диалог для казнокрадствующих рамоликов, все в большем количестве собирающихся в стенах Сената, дурных последствий не имел.

При всем при этом нет более рьяного защитника государственного блага и его неугомонного радателя, чем бюрократия, полуинстинктивно понимающая, что открытое служение своим шкурным интересам чревато непредсказуемыми результатами. «Бюрократия должна, таким образом, защищать мнимую всеобщность особого интереса, корпоративный дух, чтобы спасти мнимую особенность всеобщего интереса, свой собственный дух» *.

Подобная система организации власти удачно вписывалась в исторически к тому времени обусловленную и с удовольствием воспринятую Екатериной II идею просвещенного абсолютизма. Бедный, темный народ нуждается в просвещении, и дело управляющих им отдать все силы на претворение этой программы, полностью отдаться благородной миссии просветителя.

В духе эпохи власть прибегает к все более оголтело-утонченной социальной демагогии. Екатерина щедро разбрасывает сентенции типа: «Лучшая слава и украшение Монарха — есть его правосудие», «Лучше, чтоб ободрял Государь, а наказывали законы», «Благо человечества, и в особенности Моих подданных, есть закон для Моих мыслей и для Моего сердца». Индивидуумов, всерьез воспринимающих все эти прекраснодушные идеи и пытающихся претворять их на практике, власть предержащие наказывают быстро и беспощадно, поскольку их реализация подорвала бы их реальное могущество.

Апелляция к общественному мнению — требование момента, поскольку понемногу вызывает потребность хотя бы в малой степени учитывать умонастроение масс.

С этого времени все больше и больше начинается декларирование роли образования в деле исправления нравов и усовершенствования общества, месте интеллигенции в этом. Однако

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 270.

деятельность интеллигенции — умственная деятельность. Можно приучить или заставить людей единообразно и одинаково выполнять какую-либо несложную трудовую операцию, но нельзя таким же образом приучить людей думать. Ни одинаково, ни уж тем более единообразно. Когда собираются два-три человека, даже если они единомышленники, стоит их покопать поглубже, и на поверку получится два-три мнения. Потому это — самые опасные для правителей люди. Они думают, а следовательно, анализируют и начинают критиковать, ибо власть не может обходиться без ошибок — так как любые совершенные проекты она проводит в жизнь при помощи несовершенных индивидов, среди которых есть и глупцы, и сребролюбцы, и властолюбцы, и совершенно аморфные, которым все равно, что за приказы выполнять. Не говоря о противниках этих проектов — тайных и явных. И поэтому единственный выход для власть предержащих — создавать такие условия, при которых люди умственного труда не смогут спокойно предаваться этому своему занятию, ибо оно предусматривает отсутствие забот о куске хлеба и некую гарантию личной безопасности, иными словами, стабильность положения. Но, в то же время, кусок этот не должен быть и слишком жирным, иначе все аналитические способности человека направляются лишь на то, как бы удержать его, и тогда он становится самым ревностным защитником власти; а на другом полюсе — большая масса, думающая лишь о хлебе насущном, абстрагируясь в силу обстоятельств — хотя и никогда полностью — от забот о судьбах мира и собственного народа. Словом, старые как мир постулаты: «разделяй и властвуй», «кнутом и пряником». Екатерина хорошо постигла их значимость и умело применяла их на практике.

При ней эпоха просвещенного абсолютизма только-только вступала в России в свои права. Поэтому случались, с точки зрения последующих времен, пустяковые, но тем не менее досадные накладки. Так, в «Санкт-Петербургских Ведомостях» за 1798 год рядом с предложением купить голштинского жеребца напечатано объявление о продаже нескольких экземпляров «Наказа комиссии о составлении проекта нового уложения», сохранившихся в академической типографии, а еще ниже: «Пожилых

лет девка, умеющая шить, мыть, гладить и кушанье готовить, продается за излишеством (следует адрес)... там же есть продажные, легкие, подержанные дрожки». Или: «Продается за сходную цену семья людей: муж искусный портной, жена повариха; при них дочь 15 лет, хорошая швея, и двое детей, 8 и 3 лет».

Соответственно, и нравы еще были неустоявшиеся. Зачастую о нравственности, чести, достоинстве где-то и слышали, но объяснить, что это за субстанция такая, затруднились бы. Во время кампании 1790 года князь Григорий Волконский, зять князя Репнина, генерал-поручик и кавалер ордена Александра Невского, рассердивший чем-то Потемкина, получил от него несколько пощечин. Русский офицер, посланный через некоторое время после этого случая в Вену, рассказал об этом случае принцу де Линь, по предшествующим годам знавшему обоих действующих лиц. Принц был возмущен.

— Но,— заметил офицер,— Волконский жестоко отомстил ему за оскорбление.

— Как же именно?

— Целую неделю не показывался у князя...

Этот довольно характерный для нравов эпохи случай произошел на очередной русско-турецкой войне. Еще в 1779 году Румянцев называл положение, сложившееся между Россией и Портой, кризисом во взаимоотношениях. И вот вскоре после поездки Екатерины в Крым разразилась война. В целом внешнеполитическая ситуация не благоприятствовала вступающей в войну России. Почти год спустя после начала русско-турецкой войны, в 1788 году, Швеция, давно планировавшая получить реванш за поражение в Северной войне, низведшей ее с пьедестала европейской политики на положение второстепенной державы, развернула военные действия против России. На стороне России, правда, выступала на этот раз Австрия, но она, выдвинув свои войска на границу с Турцией, первоначально никакой военной активности и не думала проявлять.

Со стороны России военно-политическое руководство войной в этот раз было организовано иначе, чем в войну 1768—1774 годов. Потемкин, с самого начала войны фактически осуществлявший общее руководство сухопутными и морскими силами, выде-

ленными прстив Порты, был почти свободен от опеки из столицы — огромное преимущество для полководца, дававшее возможность реализовать стратегические замыслы самого смелого характера. Но по сути использования этих широких возможностей на деле не произошло.

Кампания 1788 года в качестве главной задачи выдвинула овладение Очаковом, имевшим важное значение в системе турецкой обороны. Главные силы русской армии были фактически скованы этой крепостью на весь период кампании. Только в декабре 1788 года — после долгой осады — Очаков был взят штурмом. В то же время в Молдавии, решая весьма ограниченные задачи, действовала Вторая армия — под командованием Румянцева. Стратегического взаимодействия между армиями налажено не было. Это состояние дел усугублялось тем, что Потемкин зачастую из соображений личного соперничества ограничивал инициативу Румянцева.

Армия Румянцева считалась резервной. Командующий, поставленный в фактическую зависимость от Потемкина и союзного австрийского командования, долго вообще не выезжал к своим войскам и отсиживался в имениях. Прибыв, наконец, в действующую армию, он убедился в своих подозрениях об изначально определенной его армии второстепенной роли.

Военные операции развивались без учета его советов и рекомендаций. Его заставляли действовать по чуждой ему кордонной системе, нежизнеспособность которой он сам неоднократно доказывал делом. Румянцев получал указания от Потемкина, весьма настойчивые советы, переходящие в прямые требования, представителя союзной армии принца Кобурга, многочисленные улрки из Петербурга, где в попрекающих не было недостатка, учитывая отсутствие любви у Екатерины к нему.

Но все же и в этой кампании Румянцев показал образцы маневренных действий. В свои действия он внес существенно новое: в противоположность союзникам, действовавшим растянутыми силами, слабо связанными между собой отрядами, Румянцев в нужный момент быстро сосредоточивал в необходимом направлении все свои войска.

Он поступил так в отношении своего центра после перепра-

вы через Днестр, когда австрийцы, не предупредив союзников, оставили Яссы, и турецкое наступление оттуда угрожало любому участку армии. Развернув операцию у Бендер, Румянцев, не растягивая своих сил, поставил тем самым противника под опасность флангового удара в случае его прорыва к Хотину или в тыл русских войск. Маневрируя, он сковал турок у Рябой Могилы, при всякой попытке к наступлению противопоставляя им сосредоточенные силы. Заставив турецкие войска после падения Хотина отступить от Рябой Могилы, Румянцев без потерь добился стратегического успеха, который могло дать выигранное сражение...

В кампании следующего, 1789 года, Потемкин наметил для своих главных сил основную цель — овладение крепостями Бендеры и Аккерман на Днестре. Корпус Репнина должен был прикрывать действие главных сил со стороны Дуная. Дивизия Суворова — около 10 тысяч человек — была выдвинута в район Бырлада на стык с австрийскими войсками, которые занимали растянутое кордоном расположение от Адриатического моря до реки Серет. На стыке с русскими войсками находился корпус принца Кобургского численностью около 18 тысяч.

11 сентября у реки Рымна Суворов во взаимодействии с принцем Кобургским разгромил 90-тысячную армию великого визиря, имея под своим началом около 24 тысяч человек, из которых только 7042 человека были русскими, остальные же — части принца Кобурга. Победа при Рымнике — крупнейшая после Кагула победа над турецкой армией в полевом сражении за время обеих войн с Османской империей второй половины XVIII века, могущая иметь стратегическое значение, — осталась неиспользованной. Потемкин после Рымника не начал общего наступления, обещавшего быстрое окончание войны: турки получили возможность оправиться, и война затянулась более чем на полтора года.

Следующая кампания — 1790 года — началась при весьма неблагоприятной для России внешнеполитической обстановке. Шла война со Швецией, сложилась угроза нападения Пруссии, Англия занимала крайне враждебную России позицию. В связи с этим пришлось оттянуть значительную часть русских сил с Дунайского театра военных действий, перейдя здесь к обороне. Турции,

в свою очередь, держались также оборонительно, рассредоточив войска полевой армии по дунайским крепостям. Австрийцы, действовавшие в начале кампании крайне неохотно, в июле под давлением Пруссии вообще прекратили военные действия, а в сентябре заключили с Портой перемирие и начали вести мирные переговоры. Однако в августе 1790 года между Россией и Швецией был заключен выгодный русским мир, обнаружился и некоторый позитивный элемент во взаимоотношениях с Пруссией. Все это вместе взятое дало возможность русскому командованию начать в конце сентября активные военные действия. А 11 декабря Суворов взял считавшуюся неприступной крепость Измаил, что и решило фактически исход войны. Одновременно с успехом Суворова русский флотоводец Ушаков в сражениях при Фидониси (июль 1788 года), Тендре (август 1790-го) и Калиакрии (июль 1791 года) разгромил турецкий флот. Но стратегическое использование сильнейшего удара по Османской Порте, каким явилось взятие Измаила и уничтожение в нем сильного корпуса, оказалось неполным. Потемкин из-за позднего времени года решил не продолжать наступательные действия и расположить войска на зимние квартиры. Понадобилось еще полгода продолжающейся войны, пока Турция не признала ее проигранной и заключила в Яссах выгодный для России мир.

К этому времени Румянцева уже не было в войсках. Полное расхождение целей предшествующей кампании сделало невозможным продолжение его совместной деятельности с Потемкиным. Румянцев вынужден был снова уступить. В конце 1790 года он уехал на Украину.

Через год после окончания войны Потемкин умер — внезапно и необъяснимо. Румянцев, узнав о его смерти, заплакал и сказал: «Вечная тебе память, князь Григорий Александрович!» И, обращаясь к друзьям — князьям Дашкову и Апраксину, — сказал: «Чему вы удивляетесь? Князь был мне соперником, может быть, даже неприятелем, но Россия лишилась великого человека, отечество потеряло сына бессмертного по заслугам своим». Не любя Потемкина и не считая нужным скрывать это, как и скромную оценку его военных дарований, Румянцев — сам истово служа родной стране — уважал за это и светлейшего князя. Как

писал в своей книге «Связь времен» Ф. Нестеров: «Вглядываясь в Румянцевых и Суворова, Спиридовых и Ушаковых, Потемкиных и Орловых, вслушиваясь в их письма, начинаешь понимать, что, помимо новых поместий с тысячами крепостных, помимо титулов, помимо звезд, лент через плечо и табакерок с портретом императрицы, усыпанных бриллиантами, у этих людей за душой было еще и нечто другое, призывающее их на исполненную тяжкими трудами, лишениями и грозными опасностями службу. «Нечто другое» — это проникнувшее в плоть и кровь сознание того, что «в службе — честь!», что, помимо всяких наград, великое счастье в том, чтобы отдать России свои силы, ум, энергию, кровь и жизнь».

Горе Екатерины, узнавшей о смерти Потемкина, было велико. «При этом известии она лишилась чувств, кровь бросилась ей в голову и ей принуждены были открыть жилу», — повествует уполномоченный в делах Франции Женэ. — «Кем заменить такого человека?» — повторяла она своему секретарю Храповицкому. «Я и все мы теперь как улитки, которые боятся высунуть голову из своей скорлупы». Она писала своему постоянному корреспонденту в Европе Гримму: «Вчера меня ударило, как обухом по голове... Мой ученик, мой друг, можно сказать, идол, князь Потемкин-Таврический скончался... Вот теперь я истинно сама себе помошница. Снова мне надо дрессировать себе людей!..»

В год смерти Потемкина, словно вспомнив его негативное отношение, Екатерина подвела итог деятельности другого самозамкнутого общества, озабоченного исключительно собственными интересами, — масонов.

Многие из российских монархов начинали с заигрывания с масонами еще до занятия престола. Некоторым масоны помогали его занять, но потом наступало охлаждение, поскольку власти чувствовали (а некоторые — уже и знали наверняка) в масонах конкурентов, так как «вольные каменщики» претендовали на безоговорочное подчинение своих членов — даже в ущерб государственной власти и национальным интересам, если под последними понимать интересы того народа, который в основном составлял государство.

У Екатерины II поначалу также не было никаких конфликтов

с «каменщиками». Созданная на ее деньги в 1784 году в Петербурге ложа называлась «Императорской». В то же время организовалось польское масонство, и национальной ложе Великого Востока было присвоено название «Екатерины под северной звездой». Но императрица всегда выступала против мистики, которой увлекались масоны. Так, она писала Гримму о Калиостро: «Он приехал сюда, называя себя полковником испанской службы и испанцем по происхождению, давая понять, что он колдун, вызывающий духов и приказывающий им. Когда я услышала это, я сказала: человек этот совершенно напрасно приехал сюда; нигде ему не испытать большей неудачи, чем в России. У нас не жгут колдунов, и я царствую уже двадцать лет, а случилось всего одно дело, в котором замешано было колдовство. Сенат требовал колдунов, и когда их привели, они оказались дураками и совершенно ни в чем не повинными. Но г. Калиостро прибыл в такое время, когда несколько фран-масонских лож, увлекшись принципами Сведенборга, желали во что бы то ни стало видеть духов; и вот они бросились к Калиостро, утверждавшему, что он знает все секреты доктора Фалька, близкого друга герцога Ришелье, однакож заставившего его в Вене принести жертву черному козлу... Тогда г. Калиостро произвел свои чудодейственные таинственные исцеления: как будто вынул ртуть из ноги подагрика, и попался в ту минуту, когда вылил ложку ртути в воду, куда велел посадить подагрика. Потом он приготовил краски, ничего не окрасившие, и химические соединения, не произведшие никакого действия... После этого открыли, что он еле-еле умеет читать и писать. Наконец, наделав массу долгов, он скрылся в погребе Елагина («великий провинциальный мастер» всех русских масонских лож, работавших по английскому обряду,— Ю. Л.), где пил столько шампанского и английского пива, сколько был в силах... Вот история Калиостро, в которой есть все, кроме чудесного».

Причина стойкой антипатии к масонам, конечно, не только из-за неприятия их мистических увлечений. Еще в 1764 году, во время следствия по делу о заговоре Мировича, он указал только на одного человека, знавшего о его намерении сделать императором Ивана Антоновича — поручика великолуцкого пехотного

полка Аполлона Ушакова. Поручик утонул. В его бумагах были найдены масонские знаки и отрывок из масонского катехизиса (самая ранняя масонская рукопись из известных в России). В 1762 году в России находился знаменитый авантюрист и масон граф Сен-Жермен. Сблизившись с Орловым, он играл довольно существенную роль в перевороте, приведшем Екатерину на престол. В 1774 году в Германии произошла встреча Г. Г. Орлова с графом, которому Орлов передал большую сумму денег. Весьма возможно, что Сен-Жермен использовал свои связи по ордену в заговоре. В эти годы масонами были вице-канцлер Роман Воронцов, Никита и Петр Панины, князья Трубецкие, Голицыны, князь С. Мещерский и князь М. Дашков, графы Чернышевы, Строганов, Бибииков, А. Куракин, Г. Гагарин и многие другие.

Екатерина знала, что главной чертой масонства, как любой корпоративной организации, является отделение от общества. «Орден самовольно выделил себя из общества и стал презрительно смотреть на всех и все», — писал А. Н. Незеленов. Один из руководителей российского масонства Лопухин в записках и письмах, предназначенных для перлюстрации, говорил, что задачей ордена розенкрейцеров является воспитание «христианской нравственности и деятельности». Глава же русских масонов князь Н. Н. Трубецкой в тайной инструкции изменяет акценты: «масонство есть единое средство, через которое мы можем человека возбудить к воззрению на самих себя, к почувствованию своей ничтожности и к покорению своей воли».

С момента разделения человеческого общества на антагонистические классы эксплуататорское меньшинство наряду с явным аппаратом подавления и угнетения начинает создавать параллельный ему тайный аппарат, призванный нести те же функции. За тысячелетнюю историю было создано множество различных обществ, организаций, сект, клубов подобного толка, но большинство из них оказались нежизнеспособными в силу своей недостаточной гибкости. Ибо открытое провозглашение своих прагматических целей отталкивало представителей других социальных и этнических групп. В результате только одной организации удалось удержаться и закрепиться на мировой авансцене — масонам, членам всемирной организации так называемых

«вольных каменщиков — строителей храма Соломона», исповедующих принцип единства в многообразии. Основание организации, согласно масонской легенде, связывается со строительством храма бога Яхве при древнеиудейском царе Соломоне. Поэтому высшие степени масонской иерархии могут занимать только левиты — «колена» священнослужителей в храме Соломона. Усиление масонства стало возможным именно потому, что, декларируя по мере возможности о своем решающем участии во всех событиях, какими человечество имеет полное право гордиться, его члены целенаправленно замалчивают неугодные им факты и так же целенаправленно дезинформируют общественное мнение, уже не раз на протяжении столетий задававшееся вопросом — что же является действительной целью масонства, чему и кому служит его многовековое существование? Сами масоны потратили немало сил, средств и времени, чтобы показать, что все их усилия направлены на объединение людей на началах братства, любви, равенства и взаимопомощи. До сих пор это провозглашается во всех документах, предназначенных для людей, не посвященных в их тайны. Однако теоретики масонства утверждают, что первые ступени являются лишь «преддверием храма», истинное же учение раскрывается в высших степенях. И вот там-то, на верхних ступенях иерархической пирамиды масонства, и можно узнать об их действительных целях, суть которых может быть сведена к претензиям на мировое господство путем построения невидимого духовного храма.

60—70-е годы XVIII века были годами расцвета русского масонства. Знатные бары вступают в общество целыми семьями. Ложь основываются во множестве городов. Как замечает дореволюционный исследователь В. Н. Терлецкий, «...вольнодумные идеи XVIII века могли лишь поколебать в русских людях их религиозную веру; но совершенно уничтожить в них религиозных стремлений они были не в состоянии. Кто не заглушал чисто животную жизнью духовных потребностей, тот живо чувствовал душевный разлад и стремление наполнить чем-нибудь пустоту, образовавшуюся в душе под влиянием отрицательной философии. И вот для многих лиц, переживших такое состояние, масонство представлялось лучшим исходом, масонство, которое с одной

стороны, давало свободу религиозным взглядам, а с другой — пищу воображению и чувству». Необходимо также учесть, что «Манифест о вольности дворянства» показал дворянам, что государство не заинтересовано кровно в их службе. Образовался вакуум от отсутствия реального дела, требующий заполнения. Масонство позволяло имитировать бурную общественную деятельность во благо государства, что было важно для стоящих на низших ступенях пирамиды; позволяло идти рядом с властью, а иногда даже и впереди нее, что не могло не льстить самолюбию — монарх-миропомазанник, мол, еще до этого благого дела не догадался, а мы — уже. Играли свою роль и чисто эгоистические побуждения — стремление к богатству, карьере, славе, лучше достижимым при круговой поруке. Наконец, это было просто модно, поскольку ново и практически неизвестно. В XIX веке отношение к масонству более сознательное: опыт предшествующего поколения плюс большее распространение высших степеней среди русских — стали доходить слухи. Отсюда — и больше выходов из ордена. Масонство в России насаждалось из-за рубежа. В конце 70-х годов XVIII века русские ложи находились в зависимости от лож-матерей в Англии, Германии, Швеции. Во главе русского масонства стояли Штарк, Вельнер, Шварц, Шредер; последний приводит в своем дневнике некоторые из наставлений, услышанных им от начальников в Берлине: «Лифляндию следует присоединить к Пруссии», «может быть Россия будет обер-гаупдиректорией», «принц Евгений Вюртембергский и Вельнер говорят, что великий князь (Павел) был бы наверное очень хорош в хороших руках». Масоны давали присягу, подобную той, какую произнес князь Репнин: «Я, Николай Репнин, клянусь всевышним существом, что никогда не назову имени ордена, которое мне будет сказано почтеннейшим братом Шредером и никому не выдам, что он принял от меня прошение к представителям сего Ордена о вступлении моем в оный, прежде чем я вступлю и получу особое позволение открываться братьям ордена. Кн. Николай Репнин, полный генерал Российской службы». В Берлине Шредера учили: «Мы должны клятву русским влагать прямо в сердце, чтобы за то, в случае нужды, иметь право пользоваться физическими средствами». Екатерина, ком-

ментируя клятву Репнина, заметила позднее по поводу так называемых «военных» лож: «...если в оных такие же правила есть, какие князю Репнину при вступлении в орден предписаны, то едва ли удобны для воина». Эти клятвы неудобны вообще для всякого патриота. Теоретические изыскания «каменщиков» заканчивались выводом, что никакой власти между богом и масонами быть не должно, кроме масонского, над ними никакого другого правительства быть не может, ибо духовную власть они признавали выше светской. С целью подчинения себе государственных структур они вовлекли в общество и наследника престола — Павла. Планировалось связать его масонскими обязательствами и клятвами, подчинить его зарубежным начальникам общества, что должно было вызвать массовое подражание подданных. Теории масонов настолько убедили Павла I в серьезности их притязаний, что, даже отрехшись перед лицом матери в 1791—1792 годах от участия в «масонском заговоре» и считая себя свободным от обязательств по отношению к ним, он в 1796 году, только приехав на коронацию в Москву, потребовал от московских масонов не собираться без его позволения, фактически подтвердив запрет на деятельность «каменщиков». Молва приписывала последовавшее через несколько лет убийство императора мести масонов, хотя среди его убийц и не было явных членов ордена.

Правление Павла лишь самым краем своим коснулось Румянцева. Через несколько недель после воцарения нового императора всероссийского престарелого фельдмаршала не станет. Последние годы жизни он безвыездно жил в селе Ташаки Переяславского уезда Полтавской губернии. Отсюда он продолжал управлять Малороссией, бессменным наместником которой он был 32 года. Здесь он читал книги, которые он называл «мои учителя», здесь удил рыбу и принимал гостей. При дворе он не появлялся вовсе.

Сюда же, в село, в 1794 году с началом боевых действий в Польше прибыло извещение о назначении его главнокомандующим армией. Но фельдмаршал был уже стар. Он не выезжал на театр военных действий, а отдал приказ корпусным начальникам присоединить свои войска к корпусу Суворова, как к старшему

по чину, и после этого принимать и использовать приказы Суворова.

В Ташаках его застало известие о смерти Екатерины. Вступивший на престол Павел пожелал видеть Румянцева. Но было уже поздно. 25 ноября 1796 года Румянцев почувствовал себя плохо. В начале декабря самочувствие его немного улучшилось. «4-го числа декабря по полуночи в 7 часов, он пил кофе с сухарями, отправляя свои письменные дела, и был очень бодр и весел, а в 9 часов параличный удар отнял у него язык и всю правую сторону тела». Следующие двое суток он пробыл в бессмысленности. «Все старания врачей спасти сего высокого больного и исторгнуть его из челюстей смерти», — по словам очевидца, — ни к чему не привели. 8 декабря 1796 года в 8 часов 45 минут, как было сказано в заключении о болезни, Петр Александрович Румянцев-Задубайский умер «самым тихим образом».

Узнав о смерти Румянцева, Павел приказал три дня носить траур, сказав: «Румянцев во время царствования отца и матери моих прославился в России более чем Тюренн во Франции».

Фельдмаршал Румянцев, будучи крупным военачальником, значительно повлиял на развитие русского военного искусства: стратегия, тактика, военное администрирование — во все эти области военной мысли вложил он свои ум и талант. Своими победами он открыл фактически новый этап борьбы за возвращение России ей искони принадлежавших южных земель. Он сделал так, что победы русского оружия на южных границах России перестали вызывать сомнение даже у самых закоренелых скептиков, коих не могли убедить многочисленные примеры предшествующих времен...

Тогда Румянцев, торжествуя
Геройским духом проходил
Пределы турок показуя
Своему войску говорил:
«Теперь нам Бог открыл путь к славе,
Мы властвуем в чужой державе:
Теки, о Росс! В сей путь теки
Победою руководимый.
Ты Марсов сын непобедимый
Теки подобием реки».

СОДЕРЖАНИЕ

I. Начало	3
II. Поля Пруссии	19
III. Гроза осман	57
IV. Путь с вершины	90

Юрий Николаевич ЛУВЧЕНКОВ

ФЕЛЬДМАРШАЛ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ

Ответственный за выпуск **В. Кирюшин**

Редактор **И. Жеглов**

Художественный редактор **Г. Комаров**

Технический редактор **Н. Александрова**

Корректоры **Н. Хасаия, Н. Понкратова**

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Сдано в набор 27.08.87. Подписано в печать 22.03.88. А 03016. Формат 70×108 ¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Условн. печ. л. 4,9. Усл. кр.-отт. 5,42. Учетно-изд. л. 6,0. Тираж 75 000 экз. Издат. № 194. Заказ 7—394. Цена 35 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суховская ул., 21.

Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

35 коп.

Молодая гвардия

